

Две пары. Две истории любви. Одна дорога.

Николаас СПАРКС

Дальняя дорога

Николас Спаркс

Дальняя дорога

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8592502
Дальняя дорога: [роман]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-084579-8

Аннотация

Что, казалось бы, общего между стариком Айрой Левннсоном, на грани жизни и смерти вспоминающим историю своей любви к жене Рут, – и студенткой Софией, влюбившейся в обыкновенного парня и делающей непростой выбор между чувством и блестящим будущим?

Эти две пары разделяют десятилетия. Но однажды их жизни пересекутся и события примут неожиданный оборот...

Как причудливо порой переплетаются человеческие судьбы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николас Спаркс

Дальняя дорога

Роман

Посвящается Майлзу, Райану, Лэндону, Лекси и Саванне

Глава 1

Начало февраля 2011 года

Айра

Иногда мне кажется, что я последний в своем роде.

Меня зовут Айра Левинсон. Я южанин и еврей и в равной мере горжусь тем, что во мне время от времени замечают оба эти признака. А еще я глубокий старик. Я родился в 1920 году – в том самом году, когда объявили «сухой закон», а женщины получили право голосовать. Я часто задумывался, не потому ли моя жизнь обернулась именно так. В конце концов, я никогда не злоупотреблял спиртным, а женщина, на которой я женился, встала в очереди к избирательной урне, чтобы проголосовать за Рузвельта, как только достигла необходимого возраста. Сам собой напрашивается вывод, что дата моего рождения каким-то образом предопределила все это.

Отец поднял бы меня на смех. Он верил в незыблемые правила. «Айра, – говорил он, когда я был моложе и работал с ним в галантерейном магазине, – я скажу тебе, чего ты никогда не должен делать». «Правила жизни» – вот как он называл свои наставления. Я буквально вырос под их аккомпанемент. Некоторые из них касались морали и уходили корнями в учение Талмуда; наверное, именно такие постулаты большинство родителей внушают своим детям. Нельзя лгать, заниматься мошенничеством, красть и так далее. Но отец – «периодический еврей», как он сам выражался, – больше внимания уделял практическим моментам. «Не выходи в дождь без шляпы, – говорил он. – Не трогай конфорку плиты, вдруг она горячая». Я узнал, что никогда не следует пересчитывать деньги на людях или покупать украшения с рук, какой бы выгодной ни казалась сделка. Эти «никогда» тянулись без конца, но, несмотря на их хаотичность, я следовал почти всем правилам, может быть, потому что не хотел разочаровывать отца. Даже сейчас его голос сопровождает меня в долгой прогулке, которая называется жизнью.

Сходным образом отец частенько объяснял, что я должен делать. Он ожидал от меня честности и прямоты в любых жизненных ситуациях, а еще учил придерживать дверь перед женщинами и детьми, крепко жать руку при знакомстве, запоминать имена и всегда давать клиенту чуть больше, чем он ожидает. Со временем я понял: эти правила не только лежали в основе жизненной философии, которая сослужила отцу хорошую службу, но и прекрасно давали понять, что он за человек. Поскольку сам он верил в честность и прямоту, то полагал, что и другие люди таковы. Отец верил в человеческую порядочность и думал, что прочие живут точно так же. Он считал, что большинство людей, если дать им выбор, поступят правильно даже в трудной ситуации и что добро всегда восторжествует над злом. Впрочем, наивен он не был. «Верь людям, – говорил отец, – пока они не дадут тебе повода разувериться. Но и после этого никогда не поворачивайся спиной».

Мой отец более чем кто-либо повлиял на то, каким я стал.

Но война подкосила его. Точнее, холокост. Рассудок у отца остался прежним – он мог разгадать кроссворд в «Нью-Йорк таймс» меньше чем за десять минут – зато вера в людей пошатнулась. Мир, который он якобы знал, вдруг утратил всякий смысл, и отец сильно изменился. Тогда ему было под шестьдесят; он взял меня партнером в дело и почти перестал заходить в магазин, зато стал полноценным иудеем. Вместе с матерью – о ней я расскажу потом – отец начал регулярно бывать в синагоге и жертвовать средства на бесчисленные еврейские вопросы. Он отказывался работать по субботам. С интересом следил за новостями, касающимися провозглашения независимости Израиля, и за арабо-израильской войной, которая последовала в результате. Стал ездить в Иерусалим, по крайней мере раз в год, как будто ища нечто недостающее в жизни. Когда отец состарился, я сильно беспокоился из-за этих дальних поездок, но он заверял, что способен о себе позаботиться, – и много лет так оно и было. Несмотря на почтенный возраст, его ум оставался по-прежнему острым, но, к сожалению, тело сдавало. Когда отцу стукнуло девяносто, он пережил сердечный приступ; хотя он и оправился, второй удар, полгода спустя, привел к частичному параличу правой стороны туловища. Но все равно он настаивал, что может сам о себе позаботиться. Отец отказался перебраться в дом престарелых, пусть даже ему приходилось передвигаться при помощи ходунков, и продолжал водить машину, несмотря на мои мольбы и опасения, что его лишат прав. Я твердил, что это опасно, а отец только пожимал плечами.

«А что я могу сделать? – спрашивал он. – Как еще добраться до магазина?»

Он умер через месяц после того, как ему исполнился сто один год. В отцовском бумажнике по-прежнему лежали водительские права, а на столике рядом с кроватью – разгаданный кроссворд. Он прожил долгую интересную жизнь, и в последнее время я часто о нем думаю. Наверное, это логично, потому что я шел по его стопам. Я держал в уме «Правила жизни», когда открывал магазин по утрам и общался с людьми. Я запоминал имена и давал клиентам больше, чем они ожидали. До нынешнего дня я не выхожу из дому без шляпы, если есть угроза дождя. Как и отец, я пережил сердечный приступ и теперь передвигаюсь с ходунками; но рассудок меня не подводит. Как и отец, я слишком упрям, чтобы отказаться от водительских прав. Впрочем, если хорошенько подумать, здесь я, возможно, был не прав. Иначе я бы не оказался в столь затруднительном положении. Моя машина слетела с дороги в глубокий кювет, капот помялся от столкновения с деревом. Если бы не мое упрямство, я бы теперь не мечтал о появлении спасателей с полным термосом кофе, одеялом и передвижным треном, на котором меня понесут, как фараона. Потому что, насколько я могу судить, это единственный способ выбраться отсюда живым.

Я в беде. За треснутым стеклом продолжает идти снег, застилая все вокруг. Голова в крови, тошнота подкатывает волнами, я почти уверен, что правая рука сломана. Ключица тоже. Плечо ноет, и малейшее движение причиняет страшную боль, я дрожу от холода. Хотя я и в пальто.

Я солгу, если скажу, что мне не страшно. Я не хочу умирать, а благодаря родителям – мама дожила до девяноста шести лет – уже давно понял, что генетически запрограммирован на долгую жизнь. Всего лишь несколько месяцев назад я искренне полагал, что протяну еще как минимум лет пять. Возможно, это будут не лучшие годы – в моем возрасте полного порядка с самочувствием не бывает. Я начал потихоньку рассыпаться на части – отказывают суставы, сердце, почки и прочие части организма, – но недавно добавилось и еще кое-что. Образования в легких, как сказали врачи. Опухоль. Рак. Мне осталось жить месяцы, а не годы... но в любом случае я еще не готов умирать. Только не сегодня. Я кое-что должен сделать – то, что делал регулярно, начиная с 1956 года. Давняя традиция скоро уйдет в прошлое, и я мечтал о возможности с ней попрощаться.

Все-таки странно, о чем человек думает, когда полагает, что смерть неизбежна. Одно я знаю наверняка: хоть мне и осталось недолго, я бы предпочел умереть по-другому, чтобы не было трясущихся рук, ходящих ходуном челюстей и ожидания, когда наконец откажет сердце. В моем возрасте я успел побывать на бесчисленных похоронах – и, будь у меня выбор, я бы предпочел скончаться во сне, дома, в уютной постели. Люди, которые умирают именно так, неплохо выглядят, поэтому, раз уж я чувствую за плечом присутствие Мрачного Жнеца, надо, собрав силы в кулак, перебраться на заднее сиденье. Меньше всего я хочу, чтобы меня нашли зачочневшим сидя, похожим на дурацкую ледяную скульптуру. Да и как они тогда извлекут из машины мой труп? Поскольку я зажат между рулем и сиденьем, это все равно что выносить фортепиано из ванной. Я представляю себе спасателей, которые скалывают лед и дергают туда-сюда, приговаривая: «Поверни ему голову, Стив» и «Давай руку сюда, Джо», пытаюсь вытащить мое застывшее тело из машины. Они будут бить и стучать, толкать и тянуть, пока наконец от очередного рывка я не свалюсь наземь. Нет уж, спасибо. У Айры еще осталась гордость. Поэтому, раз уж дело плохо, я попытаюсь добраться до заднего сиденья, лягу и просто закрою глаза. Тогда они запросто достанут меня, как рыбную палочку из пакета.

Но может быть, умирать и не придется. Кто-нибудь заметит следы колес на дороге, ведущие в кювет, остановится, чтобы попытаться помочь, и увидит, что там внизу машина. Ничего невероятного, вполне возможный вариант. Идет снег, водители едут медленно. Разумеется, кто-нибудь меня найдет. Обязательно.

Ведь так?

Не исключено, что я ошибаюсь.

Снег продолжает идти. Дыхание на воздухе превращается в пар, как будто я дракон, а тело болит от холода. Но могло быть хуже. Когда я выезжал из дому, на улице подморозило, хотя снег не шел, поэтому я оделся по-зимнему: две рубашки, свитер, перчатки, шляпа.

Машина стоит под углом, носом книзу. Я по-прежнему пристегнут ремнем безопасности, который поддерживает вес тела, но голова лежит на руле. Подушка безопасности раскрылась, распространив вокруг белую пыль и едкий запах пороха. Неприятно, но я терплю.

Но тело болит. Подушка, похоже, сработала не сразу, потому что я ударился головой о руль и потерял сознание. Не знаю, сколько я так пролежал. Рана на голове продолжает кровоточить, кости правой руки как будто пробиваются сквозь кожу. Ключица и плечо ноют, и я боюсь пошевелиться. Убеждаю себя, что могло быть хуже. Хотя и идет снег, снаружи не так уж холодно. Сегодня вечером температура понизится до минус пяти, а завтра поднимется до плюс трех. Обещают ветер, порывы которого будут достигать двадцати миль в час. В воскресенье ветер еще усилится, но к вечеру понедельника погода постепенно улучшится. К тому времени холодный фронт переместится, и ветер стихнет почти полностью. Во вторник потеплеет до плюс десяти.

Я знаю это, потому что смотрю «Погодный канал». Он гораздо увлекательней новостей. Там не только сообщают прогноз на завтра, но и рассказывают о катастрофических погодных явлениях в прошлом. Я видел сюжет о людях, которые находились в ванной, когда торнадо сорвал дом с фундамента, и слышал рассказы потерпевших, которых спасли от наводнения. Герои этих сюжетов – выжившие после катастроф. И мне нравится заранее знать это. В прошлом году я видел сюжет о пассажирах, которых в Чикаго застигла снежная буря. Снег сыпался так быстро, что дороги завалило, в то время как тысячи людей еще находились в пути. Восемь часов они просидели в машинах, не имея возможности тронуться с места, пока не потеплело. В передаче показали двоих пострадавших, и меня поразило то, что перемена погоды застала их врасплох. Оба чуть не умерли от переохлаждения, когда разразилась метель. Честно говоря, я чего-то не понимаю. Те, кто живет в Чикаго, знают, что снег там идет регулярно; они раз за разом переживают снежные бури, которые налетают из Канады.

Они должны понимать, что в таком случае становится холодно. Как можно этого не знать? Если бы я жил в Чикаго, то с ноября возил бы в багажнике теплые одеяла, шапку, запасную зимнюю куртку, перчатки, лопату, фонарик, грелку для рук и бутылку с водой. И мне бы ничего не стоило провести под снежным завалом две недели.

Моя проблема, впрочем, в том, что живу я в Северной Каролине. И обычно, когда я сажусь за руль – не считая ежегодной поездки в горы, которая, как правило, бывает летом, – то не отъезжаю от дома дальше чем на несколько миль. Поэтому в моем багажнике пусто; но меня отчасти утешает тот факт, что будь там даже портативный отель, он бы мало чем помог. Склон обледенелый и крутой, и я ни за что не сумел бы добраться до багажника, даже если бы он содержал сокровища Тутанхамона. И все-таки я не то чтобы совсем не подготовлен к чрезвычайной ситуации. Прежде чем выехать из дому, я прихватил полный термос кофе, два сэндвича, пакет чернослива и бутылку воды. Еда лежала на пассажирском сиденье, рядом с письмом, и, хотя во время аварии все разлетелось по салону, приятно сознавать, что припасы никуда не делись из машины. Если я проголодаюсь, то попробую их найти, хотя, конечно, у еды и питья есть свои минусы. То, что вошло, должно выйти, а я еще не придумал, как это сделать. Мои ходунки на заднем сиденье, и если я шагну на склон, то кювет станет моей могилой. Учитывая полученные мною повреждения, зов природы – не первоочередная проблема.

Кстати, об аварии. Я мог бы, наверное, сочинить захватывающую историю про ненастную погоду или про злобного водителя, который заставил меня свернуть в кювет, но на самом деле все было не так. Случилось вот что: стемнело, пошел снег, с каждой минутой все сильнее, и внезапно дорога просто исчезла. Наверное, я свернул – я говорю «наверное», потому что не видел поворота, – и в следующую секунду пробил ограждение и покатился вниз по крутому склону. И вот сижу здесь, один и в темноте, и гадаю, светит ли мне стать героем сюжета на «Погодном канале».

Сквозь ветровое стекло ничего не видно. В теле вспыхивает мучительная боль, но я включаю стеклоочистители, хоть без особой надежды, и они вдруг принимаются сгребать снег, оставляя за собой тонкий слой льда. Это просто чудесно, но я неохотно выключаю щетки, а заодно и фары – оказалось, они горели до сих пор. Напоминаю себе, что нужно сохранять оставшийся заряд аккумулятора, на тот случай если придется сигналить.

Я устраиваюсь поудобнее и чувствую, как огненная вспышка пронизывает руку от локтя до ключицы. В глазах темнеет. Какая нестерпимая мука. Я вдыхаю и выдыхаю, ожидая, когда боль пройдет. Господи, пожалуйста. Остается молиться, чтобы не кричать... но внезапно становится легче. Я дышу ровно и стараюсь сдерживать слезы, а когда наконец боль отступает, ощущаю страшное изнеможение. Я готов заснуть навеки. Глаза закрываются. Я очень устал.

Как ни странно, я думаю о Дэниэле Маккаллуме. Вспоминаю подарок, который он нам оставил. Соскальзывая в темноту, я лениво задумываюсь, сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь меня обнаружит.

– Айра.

Я слышу во сне какой-то невнятный звук, словно нахожусь под водой. Проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что кто-то зовет меня по имени. Но это же невозможно.

– Проснись, Айра.

Я открываю глаза. На сиденье рядом со мной – Рут, моя жена.

– Это не сон, – говорю я, по-прежнему лежа головой на руле. Без очков, которые свалились во время столкновения, ее черты расплываются, как у призрака.

– Ты слетел в кювет.

Я безмолвно моргаю.

– Со мной чуть не столкнулся какой-то ненормальный. Машину занесло на льду. У меня отличная реакция, не то было бы хуже.

– Ты съехал с дороги, потому что слеп как крот и слишком стар, чтобы водить машину. Сколько раз я говорила, что тебе опасно садиться за руль?

– Ни разу.

– И напрасно. Ты даже не заметил поворот. – Она замолкает. – У тебя кровь идет.

Приподняв голову, я вытираю здоровой рукой лоб и вижу, что ладонь алого цвета. Красные пятна – на руле и на приборной панели. Интересно, сколько крови я потерял?

– Знаю.

– Ты сломал руку и ключицу, и повредил плечо.

– Знаю, – повторяю я. Когда я моргаю, Рут то появляется, то исчезает.

– Тебе нужно в больницу.

– Не стану спорить.

– Я волнуюсь, правда.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, прежде чем ответить.

– Я тоже.

Моей жены Рут нет в машине, это факт. Она умерла девять лет назад, и в тот день я понял, что моя жизнь остановилась. Я позвал ее, сидя в гостинной, а когда она не ответила, встал с кресла и направился в спальню. Тогда я еще мог передвигаться без ходунков, хотя и не быстро. Добравшись до места, я увидел, что Рут лежит на полу рядом с кроватью, на правом боку. Я вызвал «скорую», опустился на колени рядом с женой, перевернул ее на спину, пощупал пульс и ничего не ощутил. Прижавшись губами ко рту Рут, я стал дышать – так, что чуть сам не потерял сознание, – но тщетно. Я целовал Рут в губы и в щеки и держал в объятиях, пока не приехала «скорая». Женщина, с которой я прожил пятьдесят пять лет, умерла, и в мгновение ока исчезло все, чем я дорожил.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Ничего себе вопрос! Я здесь из-за тебя.

Ну конечно.

– И долго я лежал без сознания?

– Не знаю, – отвечает она. – Уже стемнело. Кажется, ты мерзнешь.

– Мне постоянно холодно.

– Но не настолько.

– Да, – соглашаюсь я. – Не настолько.

– Что ты делал на этой дороге? Куда ехал?

Я пытаюсь шевельнуться, но воспоминание о мучительной боли меня останавливает.

– Ты же знаешь.

– Да, – говорит она. – В Черные горы. Где мы провели медовый месяц.

– Я хотел съездить туда в последний раз. Завтра наша годовщина.

Она отвечает не сразу.

– По-моему, у тебя что-то с памятью. Мы поженились в августе, а не в феврале.

– Не та годовщина. Другая.

Ей незачем знать, что, если верить доктору, я не протяну до августа.

– Ты о чем? Никакой другой годовщины нет. Она одна.

– Я имею в виду день, когда моя жизнь изменилась навсегда, – объясняю я. – Тот день, когда мы познакомились.

Рут молчит. Она знает, что я говорю искренне, но в отличие от меня ей трудно выражать подобные вещи словами. Ее любовь была огромна, но Рут выражала свои чувства в

прикосновениях, в легких касаниях губ, в выражении лица. А когда я особенно в этом нуждался, то и в письмах.

– Шестого февраля 1939 года, – напоминаю я. – Ты ходила за покупками с матерью, и мы зашли к нам в магазин. Твоя мать, Элизабет, хотела купить шляпу отцу.

Рут откидывается на спинку сиденья, не сводя с меня глаз.

– Ты вышел из задней комнаты, – произносит она. – Потом появилась твоя мама...

Я внезапно вспоминаю: да, так оно и было. Рут всегда отличалась необыкновенной памятью.

Как и родители моей матери, семья Рут приехала из Вены, но в отличие от нас они эмигрировали в Америку всего два месяца назад. Они бежали, когда Гитлер насильственно включил Австрию в состав рейха. Отец Рут, Якоб Пфедфер, профессор-искусствовед, знал, что сулит евреям возвышение Гитлера; он продал все имущество и дал взятку кому нужно, чтобы гарантировать своей семье свободу. Выбравшись за границу, в Швейцарию, они отправились в Лондон, а потом в Нью-Йорк, прежде чем наконец уехать в Северную Каролину. Кто-то из родственников Якоба держал мебельную мастерскую в нескольких кварталах от магазина моего отца, и несколько месяцев Рут и ее семья жили в двух крохотных комнатах над мастерской. Позже я узнал, что от испарений лака Рут разболелась и по ночам едва могла спать.

– Мы зашли в магазин, потому что знали, что твоя мать говорит по-немецки. Нам сказали, что к ней можно обратиться. – Рут качает головой. – Мы тосковали по родине и очень хотели повидать соотечественника.

Я киваю. По крайней мере думаю, что киваю.

– Моя мать все мне пересказала, когда вы ушли. Я ведь не понял ни слова.

– Вот и поучился бы у нее немецкому.

– А зачем? Ты еще не успела выйти из магазина, а я уже знал, что мы поженимся. Поболтать мы бы еще успели.

– Ты всегда так говоришь, но это же неправда. Ты на меня даже не посмотрел.

– Потому что не рискнул. Я никогда не видел такой красивой девушки. Можно было ослепнуть, глядя на тебя.

– Quatsch¹, – фыркает Рут. – Я была некрасива. Мне едва исполнилось шестнадцать. Еще ребенок...

– А мне девятнадцать. И в конце концов я оказался прав.

Она вздыхает и говорит:

– Да, прав.

Разумеется, я видел Рут и ее родителей раньше. Они ходили в ту же синагогу и сидели в переднем ряду, иностранцы в чужой стране. Однажды после службы мать указала на них и украдкой проводила взглядом, когда они спешили домой.

Мне всегда нравились субботние утренние прогулки до дома из синагоги, когда мама была полностью в моем распоряжении. Наши разговоры с легкостью переходили от темы к теме, и я наслаждался ее вниманием, которое ни с кем не приходилось делить. Я мог рассказать матери о любой своей проблеме и задать любой вопрос, какой только приходил в голову, даже если бы отец счел его бессмысленным. В то время как он давал советы, мама предлагала утешение и любовь. Отец никогда к нам не присоединялся – в субботу он предпочитал открывать магазин пораньше, надеясь на оживленную торговлю. Мама его понимала. Даже я знал, что стоило немалых усилий держаться на плаву. Великая депрессия тяжело обрушилась на Гринсборо, как и на остальные города, и в магазин порой целыми днями никто не заходил. Люди теряли работу, голодали, за супом и хлебом стояли очереди. Многие местные

---

¹ Вздор (нем.). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

банки лопнули, и сбережения пропали. Мой отец был из тех, кто откладывает деньги на черный день, но в 1939 году туго пришлось даже ему.

Моя мать всегда помогала в магазине, хотя и редко выходила к покупателям. В те времена мужчины – а наши клиенты по большей части были мужчинами – ожидали, что помочь им в выборе и примерке костюмов будет человек того же пола. Впрочем, мама держала дверь склада приоткрытой, что позволяло ей видеть покупателей. Надо сказать, она обладала несомненным талантом. Отец тянул, одергивал и помечал ткань в нужных местах, а она с одного взгляда понимала, каким образом подогнать пиджак и брюки. Мысленно мама видела клиента в костюме, отчетливо представляя каждую складку, каждый шов. Отец это понимал – вот почему он, хоть и рискуя смутить клиентов, поставил зеркало, чтобы маме было видно. Он гордился женой. Одним из отцовских правил было: «Женись на женщине, которая умней тебя».

«Я так и сделал, – говорил он, – и тебе советую. Зачем думать самому?»

Надо признать, моя мать была действительно умнее отца. Хотя она так и не научилась готовить – ее вообще не следовало пускать на кухню, – зато говорила на четырех языках и цитировала Достоевского по-русски. Она профессионально играла на фортепиано и училась в Венском университете в те годы, когда не многие женщины стремились к высшему образованию. Мой отец, напротив, в колледже не учился. Как и я, он работал в отцовском магазине с детства и умел хорошо обращаться с цифрами и клиентами. Как и я, он впервые увидел свою будущую жену в синагоге вскоре после того, как она переехала в Гринсборо.

На этом, впрочем, сходство заканчивалось, и я частенько гадал, были ли мои родители счастливы в браке. Сам собой напрашивается ответ, что в те нелегкие времена люди женились не столько по любви, сколько из практических соображений. И я не утверждаю, что они идеально друг другу подходили. Мои родители стали хорошими супругами, и я никогда не слышал, чтобы они ссорились. Но я часто задумывался, любили ли они друг друга. За много лет, что я с ними прожил, я ни разу не видел, чтобы они целовались или держались за руки. Вечерами отец сидел с бухгалтерской книгой за кухонным столом, а мать читала в гостиной. Позже, когда оба ушли на покой, а магазин достался мне, я надеялся, что они сблизятся. Я думал, они будут вместе ездить и любоваться достопримечательностями, но с первой же поездки в Иерусалим мой отец всегда путешествовал один. Они жили каждый своей жизнью и постепенно отдалялись друг от друга, вновь становясь чужими. Когда обоим перевалило за восемьдесят, казалось, у них закончились общие темы для разговора. Они могли часами сидеть в одной комнате, не обменявшись ни единым словом. Когда мы с Рут навещали родителей, то общались с ними поочередно, а в машине жена стискивала мою руку, словно обещающая, что у нас все будет иначе.

Рут отношения моих стариков всегда волновали сильнее, чем их самих. Отец с матерью как будто не имели никакого желания строить мост через возникшую пропасть. Им было достаточно уютно в собственных мирах. Когда они состарились, отец проникся любовью к своему культурному наследию, а мать к садоводству – она часами возилась с цветами на заднем дворе. Отец обожал смотреть старые вестерны и вечерние новости, а мать предпочитала чтение. И разумеется, обоим интересовали предметы искусства, которые коллекционировали мы с Рут, – картины, благодаря которым мы разбогатели.

– Ты долго не появлялась в магазине, – сказал я Рут.

Снег залепил ветровое стекло и продолжал идти. Если верить «Погодному каналу», снегопад должен был уже закончиться, но, несмотря на чудеса современной техники, прогнозы по-прежнему сбываются не всегда. Вот еще одна причина, по которой мне интересно смотреть этот канал.

– Мама купила ту шляпу, а больше у нас ни на что не было денег.

– Но ты подумала, что я красив.

– Нет. У тебя слишком большие уши. А я люблю маленькие и аккуратные.

Тут она права. У меня большие уши, и они торчат точь-в-точь как у отца, но в отличие от него я стесняюсь своей внешности. В детстве, когда мне было лет восемь-девять, я взял в магазине кусок ткани, отрезал длинную полосу и все лето спал, обвязав ею голову, в надежде прижать уши к черепу. Мама не обращала на это никакого внимания, если заглядывала в детскую ночью, но иногда я слышал, как отец шепотом спрашивал у нее почти оскорбленным тоном: «У него мои уши. Что в них плохого?»

Я рассказал об этом Рут вскоре после того, как мы поженились. Она рассмеялась. С тех пор она иногда подтрунивала надо мной, но за все годы совместной жизни никогда не дразнила всерьез.

– А я думал, что тебе понравились мои уши. Ты говорила так всякий раз, когда целовала их.

– Мне понравилось твое лицо. Оно было доброе. А уши... просто прилагались к нему. Я не хотела тебя обижать.

– Доброе лицо?

– Да. И нежный взгляд. Как будто ты видел в людях только хорошее. Я это заметила, пусть даже ты на меня почти не смотрел.

– Я пытался набраться смелости и спросить, можно ли проводить тебя домой.

– Нет, – отвечает Рут, качая головой. Хотя ее лицо размыто, голос звучит молодо – рядом со мной сидит шестнадцатилетняя девочка, с которой я познакомился давным-давно. – Потом мы много раз виделись в синагоге, но ты ни разу со мной не заговорил. Я даже иногда нарочно ждала, но ты молча проходил мимо.

– Ты же не говорила по-английски.

– Тогда я уже начала немного понимать и чуть-чуть могла говорить. Если бы ты спросил разрешения, я бы ответила: «Хорошо, Айра, проводи меня».

Она произносит эти слова с акцентом. Венским акцентом, очень нежным и музыкальным. Напевным. В последние годы он стал менее заметен, но до конца не исчез.

– Твои родители не позволили бы.

– Мама позволила бы. Ты ей понравился. Твоя мать сказала ей, что однажды ты станешь хозяином магазина.

– Я так и знал! Всегда подозревал, что ты вышла за меня из-за денег!

– Каких денег? У тебя их не было. Если бы я искала богатого мужа, то вышла бы за Дэвида Эпштейна. Его отец владел текстильной фабрикой, и они жили в особняке.

Это еще одна наша давняя шутка. И все-таки моя мать говорила правду, хоть и знала, что магазин вряд ли способен принести большие барыши. Он оставался маленьким до того самого дня, как я продал его и ушел на покой.

– Помню, как увидел вас двоих в кондитерской через улицу. Дэвид сидел там с тобой почти каждый день, и так все лето.

– Мне нравилась шоколадная шипучка. Я раньше никогда ее не пила.

– А я ревновал.

– И правильно, – говорит Рут. – Он был богатый, красивый и с изящными ушами. Я улыбаюсь и жалею, что плохо вижу ее. Но в темноте ничего не разглядишь.

– Некоторое время я думал, что вы поженитесь.

– Дэвид несколько раз делал предложение, но я отвечала, что слишком молода и что ему придется подождать, пока я не закончу колледж. Но я лгала. По правде говоря, я уже положила глаз на тебя. Вот почему настаивала, чтобы мы встречались в кондитерской напротив вашего магазина.

Я это знаю, конечно. Но так приятно услышать еще разок.

– А я стоял у окна и смотрел, когда ты там сидела с ним.

– Я иногда тебя видела. – Жена улыбается. – Один раз даже помахала... но все-таки ты никогда не приглашал меня погулять.

– Дэвид был моим другом.

Это правда – и мы остались друзьями на много лет, общались с Дэвидом и его женой Рейчел, а один из их детей учился в классе у Рут.

– Дружба тут ни при чем. Просто ты боялся. Ты всегда был застенчивым.

– Ты меня с кем-то путаешь. Я был дамский угодник, записной кавалер, молодой Фрэнк Синатра. За мной бегали столько женщин, что иногда приходилось прятаться.

– Ты опускал глаза, когда проходил мимо, и краснел, если я тебе махала. А в августе ты поступил в университет и уехал из дому.

Я поступил в колледж Вильгельма и Марии в Виргинии и вернулся домой только в декабре. В том месяце я дважды видел Рут в синагоге, оба раза издали, а потом опять уехал. Во время летних каникул я работал в магазине, и в Европе уже бушевала Вторая мировая война. Гитлер захватил Польшу и Норвегию, подчинил Бельгию, Люксембург и Нидерланды, крошил французов. В каждой газете писали только о войне, и ни о чем другом люди не говорили. Никто не знал, вмешается ли в конфликт Америка, и общее настроение было мрачным. Несколько недель спустя Франция вышла из войны окончательно.

– Ты продолжала встречаться с Дэвидом, когда я вернулся.

– Но за тот год, когда тебя не было, я подружилась с твоей матерью. Пока отец работал, мы с мамой ходили в ваш магазин, разговаривали о Вене, о том, как жили раньше. Мы с мамой, конечно, тосковали по родине, но мне еще и совсем не нравилось в Северной Каролине, не нравилась Америка. Я чувствовала себя чужой здесь. Несмотря на войну, я хотела вернуться и помочь своим родным. Мы очень за них беспокоились.

Я вижу, как она отворачивается к окну. Рут молчит, и я знаю, что она думает о бабушке и дедушке, тетях и дядях, двоюродных братьях и сестрах. Вечером накануне отъезда Рут и ее родителей в Швейцарию десятки родственников собрались на прощальный ужин. Они тревожно прощались и обещали писать; хотя некоторые и радовались за отца Рут, почти все полагали, что он переоценивает опасность и что глупо бросать все нажитое ради неопределенного будущего. Впрочем, кое-кто из родичей сунул ему несколько золотых монет, и в течение полутора месяцев, которые занял путь до Северной Каролины, именно на эти деньги семейство жило и питалось. Вся прочая родня осталась в Вене. Летом сорокового года они носили на рукаве звезду Давида и почти все лишились работы. Тогда уже было слишком поздно бежать.

Моя мать рассказывала мне про визиты Рут и ее тревоги. У мамы тоже остались в Вене родственники, но, как и многие наши соотечественники, мы понятия не имели, что будет дальше и какой ужас нас ждет. Рут тоже не знала, зато знал ее отец. Он понял это, еще когда была возможность бежать. Таких разумных людей я никогда не встречал.

– Твой отец тогда делал мебель?

– Да, – ответила Рут. – Ни в один университет его не взяли, поэтому он хватался за любую работу, чтобы прокормить семью. Но ему было нелегко. Папа не привык к физическому труду. Когда он только начинал, то приходил домой измученный, с опилками в волосах, с перевязанными руками и, едва переступал через порог, засыпал прямо в кресле. Но папа никогда не жаловался. Он знал, что нам еще повезло. Проснувшись, он мылся и переодевался к ужину, чтобы напомнить себе о том, кем он некогда был. За столом мы оживленно беседовали. Он спрашивал, что я прошла в колледже, и внимательно слушал, когда я рассказывала. Папа частенько предлагал мне подумать о разных вещах в неожиданном свете. «Как ты думаешь, почему это так?» – спрашивал он. Или: «А как тебе такой вариант?» Я, конечно, понимала, в чем дело. Невозможно перестать быть учителем – а папа был хорошим

учителем, вот почему он сумел вновь стать им после войны. Он научил меня, как и всех своих студентов, мыслить самостоятельно и доверять собственным инстинктам.

Я рассматриваю ее и размышляю, как это символично, что Рут тоже стала учительницей, и вновь мои мысли возвращаются к Дэниэлу Маккаллуму.

– Твой отец заинтересовал тебя живописью.

– Да, – отвечает она с лукавой ноткой в голосе. – В том числе.

Глава 2

Четырьмя месяцами ранее

София

– Обязательно приходи, – настаивала Марсия. – Ну пожалуйста. Поедет человек тринадцать или четырнадцать. И это не так далеко. Маклинсвилль меньше чем в часе езды отсюда, и в машине можно будет курнуть.

София состроила скептическую гримасу, лежа на диване, где она вяло просматривала какие-то записи по истории Возрождения.

– Не знаю... Ехать на родео?

– Не надо говорить таким тоном, – заметила Марсия, поправляя перед зеркалом черную ковбойскую шляпу и заламывая ее то на один бок, то на другой. Марсия Пик уже второй год была соседкой и лучшей подругой Софии. – Во-первых, это не родео, а только скачки на быках. Во-вторых, Бог с ним, с родео. Тебе предлагают смотреть из кампуса, прокатиться с ветерком и развлечься в хорошей компании. Потом будет вечеринка, бар в большом старомодном амбаре рядом с ареной, музыка, танцы. Честное слово, ты впервые в жизни увидишь столько клевых парней в одном месте.

София взглянула на нее поверх тетрадки.

– Прямо сейчас я меньше всего думаю о том, чтобы подцепить парня.

Марсия закатила глаза.

– Суть в том, что тебе нужно развеяться! Уже октябрь. Мы учимся два месяца, пора перестать валять дурака.

– Я не валяю дурака, – ответила София. – Я просто... устала.

– То есть тебе надоело встречаться с Брайаном, так? – Марсия развернулась, чтобы посмотреть на подругу. – Ладно, я поняла. Но кампус тут маленький, и все уже разбили на парочки. Это неизбежно.

– Ты же знаешь, что я имею в виду. Брайан таскается за мной по пятам. В четверг он даже пришел в Центр изобразительных искусств. Я никогда его там не видела, когда мы встречались!

– Ты с ним говорила? А он не пытался подойти?

– Нет. – София покачала головой. – Я пошла прямо к выходу и сделала вид, что не заметила его.

– Ну, значит, никаких проблем.

– И все-таки странно...

– И что? – Марсия нетерпеливо пожала плечами. – Не бери в голову. Брайан же не псих. Рано или поздно он все поймет.

София отвела взгляд и подумала: «Надеюсь». Не дождавшись ответа, Марсия подошла к ней, села рядом на кровать и хлопнула подругу по ноге.

– Давай рассуждать логически. Ты сказала, что он перестал тебе звонить и писать, так?

София кивнула, хоть и с неохотой.

– Значит, все нормально, – заключила Марсия. – Надо двигаться дальше.

– Именно этого я и хочу. Но куда бы я ни пошла, Брайан тоже оказывается там. Не понимаю, отчего он не оставит меня в покое.

Марсия подтянула колени к груди и уперлась в них подбородком.

– Очень просто. Брайан считает, что если он с тобой поговорит – и если скажет правильные слова и включит обаяние, – то заставит тебя передумать. И он искренне в это верит. – Она внимательно посмотрела на подругу. – София, пойми: все парни одинаковы. Они вечно хотят недостижимого и искренне верят, что болтовней можно горы свернуть. Это в них генетически заложено. Ты бросила Брайана, и теперь он хочет, чтобы ты вернулась. Типично мужская логика. – Она подмигнула. – Но в конце концов он смиритесь и поймет, что все кончено. Если ты не сдашься, конечно.

– Я не сдамся, – сказала София.

– И прекрасно. Ты слишком хороша для него.

– А я думала, ты к Брайану равнодушна.

– Да, равнодушна. Он веселый, симпатичный, богатый... отличный набор качеств, правда? Мы дружим с первого курса, и я по-прежнему с ним общаюсь. Но я помню, что он никудышный бойфренд, который изменил моей подруге. И не один раз и не два, а целых три.

София понуро ссутулилась.

– Послушай, моя обязанность как подруги помочь тебе оправиться, – продолжала Марсия. – И вот я придумываю прекрасное решение всех твоих проблем – вечеринка с подругами вне кампуса, – а ты предпочитаешь торчать здесь?

София молчала, и Марсия придвинулась ближе.

– Ну пожалуйста. Поехали с нами. Ты мне нужна.

Девушка вздохнула, зная, какой настойчивой та может быть.

– Ладно, я поеду.

В будущем Софии каждый раз предстояло вспоминать, что все началось именно так.

Незадолго до полуночи София неохотно признала, что подруга была права. Она и правда нуждалась в отдыхе – и осознала, что впервые за несколько недель ей действительно весело. В конце концов, не каждый вечер удавалось вдохнуть запах грязи, пота, навоза и поглядеть, как чокнутые мужики скачут на бешеных быках. Марсия, как оказалось, считала, что ковбои буквально источают сексуальную притягательность, и не раз толкала подругу локтем, указывая на особенно симпатичных, в том числе на победителя ринга.

– Какой лапочка, – сказала она, и София почти против воли рассмеялась.

Вечеринка оказалась приятным сюрпризом. Ветхий амбар, земляной пол, дощатые стены, голые балки, зияющие дыры в крыше... но там яблоку негде было упасть. Люди стояли в три ряда у самодельной стойки и толпились вокруг разнородных столиков и стульев, хаотично расставленных по огромному помещению. Музыканты играли бойко, и на импровизированном деревянном танцполе густо теснились пары. То и дело завязывался общий танец, и, казалось, все, кроме Софии, знали, что делать. Это напоминало тайный шифр; одна песня заканчивалась, следующая начиналась, танцоры толпой валили с танцпола, и их место занимали другие, заполняя бреши в ряду. Создавалось впечатление, что они долго репетировали. Марсия и другие девочки тоже присоединялись время от времени, безупречно исполняя все движения и заставляя Софию гадать, где они так научились. Более чем за два года совместной жизни ни Марсия, ни кто-то еще ни разу не намекнули, что умеют танцевать кантри.

Хотя она и не собиралась выставить себя на посмешище на танцполе, София не жалела, что приехала. В отличие от большинства студенческих баров в окрестностях кампуса – во всяком случае, тех, куда она заходила, – публика здесь была искренне милой и до смешного любезной. София никогда еще не слышала, чтобы чужие люди так часто говорили «извините» или «простите, что побеспокоил» и дружески улыбались, уступая дорогу. Марсия была права и еще кое в чем: клевые парни здесь кишмя кишели, и Марсия, как боль-

шинство студенток, пользовалась ситуацией по мере возможности. С той минуты, как они вошли, ни одной не приходилось пить в одиночестве.

Это походило на субботний вечер где-нибудь в Колорадо, Вайоминге или Монтане, хотя София никогда там не бывала. Кто же знал, что в Северной Каролине столько ковбоев? Рассматривая толпу, девушка догадалась, что скорее всего настоящих ковбоев тут немного – большинство пришли, просто потому что любили родео и пиво, – но она никогда еще не видела в одном месте столько ковбойских шляп, сапог и ремней. А женщины? Они тоже щеголяли в шляпах и сапогах, а шорт и голых животов было больше, чем на кампусе в первый теплый день весны. Точь-в-точь конкурс на лучшую Дейзи Дьюк². Марсия и ее подруги с утра прошвырнулись по магазинам, и теперь София, в джинсах и блузке с короткими рукавами, чувствовала себя одетой безвкусно.

Она потягивала свой напиток и была вполне довольна, наблюдая, слушая и вникая. Марсия несколько минут назад куда-то ушла вместе с Эшли, несомненно, чтобы пообщаться с парнями. Большинство других девушек также нашли себе компанию, но София не испытывала желания к ним присоединиться. Она всегда предпочитала одиночество и в отличие от других студенток не стремилась жить по правилам ассоциации³. Хотя она и завела в колледже друзей, но не собиралась вечно придерживаться студенческих обычаев. Как бы ни пугала девушку перспектива самостоятельной жизни, София все-таки испытывала радостный трепет при мысли о собственном жилье. Она смутно представляла студию где-нибудь в большом городе, с бистро, кофейнями и барами неподалеку. Бог весть насколько это могло быть реальностью, но даже убогая квартирka на съезде с автострады где-нибудь в Омахе и то была для Софии предпочтительней нынешнего положения. Девушке надоело жить в общежитии, и не только потому что там все давно разбилось по парочкам. Она жила в общежитии третий год, и студенческие драмы утратили прелесть новизны. В доме, где жили тридцать четыре девушки, они были в порядке вещей, и хотя София по мере сил старалась никуда не вступать, она знала, что грянет очередная серия. Новоиспеченные второкурсницы страшно нервничали из-за того, какое производили впечатление, и боролись за лучшие места у кормушки, стараясь вписаться в окружение.

На втором курсе Софию это не особенно заботило. Она вступила в студенческую ассоциацию отчасти потому, что не поладила с соседкой по комнате, с которой жила на первом курсе, и потому что все ее однокашницы стремились стать ее участниками. Ей очень хотелось выяснить, в чем, собственно, суть этого членства, особенно в связи с тем, что светская жизнь в колледже преимущественно определялась принадлежностью к тому или иному «братству». Поэтому София уже стала членом «Кси-омеги» и внесла задаток за проживание в общежитии ассоциации.

Она очень пыталась проникнуться духом общности. Честное слово. София даже подумывала, не занять ли какую-нибудь официальную должность. Марсия расхохоталась, как только услышала об этом. Софию тоже это смешило, так что на идее был поставлен крест. И слава Богу, ведь она понимала, что ответственное лицо из нее выйдет никудышное. Пусть даже она посещала все вечеринки и обязательные собрания, девушка так и не прониклась идеей «женский клуб изменит твою жизнь» и не поверила, что «быть членом „Кси-омеги“ – значит получить неоценимый опыт».

Всякий раз, когда на собрании звучали эти слоганы, София хотела поднять руку и спросить у сестер по ассоциации, верят ли они, что энтузиазм, который они выказывают, сыграет для них какую-то роль в перспективе. Как бы она ни старалась, но не могла представить себе,

² Женщина-ковбой, героиня популярного сериала 60-х годов «Дьюки из Хазарда».

³ Имеются в виду студенческие объединения («братства» или клубы), женские и мужские, существующие в большинстве американских университетов.

что во время собеседования ее будущий босс скажет: «Я вижу, вы участвовали в постановке танцевального номера, благодаря которому ассоциация „Кси-омега“ заняла место в верхних строчках списка самых престижных студенческих клубов. Ей-богу, мисс Данко, это именно тот навык, который нужен музейному куратору».

Да ладно?!

Клубная жизнь была частью студенческой жизни, и София не жалела, что попробовала, но и не хотела ею ограничиваться. Или ставить во главу угла. В первую очередь она поступила в Уэйк-Форест, чтобы получить хорошее образование, и для этого следовало бросить все силы на учебу. Она так и сделала.

София поболтала напиток в бокале, вспоминая минувший год.

В прошлом семестре, когда она узнала, что Брайан во второй раз ей изменил, то страшно расстроилась. Сосредоточиться на занятиях никак не получалось, и, когда подошло время сдавать экзамены, пришлось зубрить что есть сил, чтобы получить хотя бы средние баллы. Она справилась... но с трудом. Это было едва ли не самое тяжелое испытание в жизни Софии, и она решила больше не допускать такой ситуации. Девушка сомневалась, что сумела бы пережить последний семестр, если бы не Марсия, а потому она благодарила судьбу за то, что вступила в «Кси-омегу». Для нее смысл женской ассоциации заключался в близкой дружбе, а не в увеселениях. И с точки зрения Софии, дружба не имела никакого отношения к месту в неофициальной иерархии. Поэтому, как и прежде, на втором курсе София делала то, что требовалось, но не более. Она платила взносы и игнорировала сложившиеся внутри ассоциации группы, особенно те, которые полагали, что «Кси-омега» – это начало и конец всего сущего.

Например, группы, которые обожествляли людей вроде Мэри-Кейт.

Мэри-Кейт была президентом филиала ассоциации и не только воплощала образ статусной студентки, но и выглядела соответствующе – полные губы, слегка вздернутый нос, безупречная кожа, изящное сложение. Плюс обаяние богатства – ее семья владела старинной табачной фабрикой и до сих пор оставалась одной из самых богатых в штате. Для многих Мэри-Кейт олицетворяла «Кси-Омегу». И она это знала. Прямо сейчас Мэри-Кейт проводила совещание за одним из огромных круглых столов, окруженная студентками помладше, которые явственно мечтали вырасти и стать такими же, как она. Разумеется, говорила она о себе любимой.

– Я просто не хочу быть равнодушной, – вещала Мэри-Кейт. – Конечно, я не смогу изменить мир, но главное – хотя бы попытаться.

Дженни, Дрю и Бриттани ловили каждое слово.

– По-моему, это здорово, – сказала Дженни со второго курса. Она приехала из Атланты, и они с Софией здоровались по утрам, но не более того. Несомненно, Дженни была в восторге от общения с Мэри-Кейт.

– В смысле, я не хочу ехать в Африку или на Гаити, – продолжала Мэри-Кейт. – Зачем так далеко? Мой папа говорит, что есть масса возможностей помогать людям там, где живешь. Поэтому он и начал заниматься благотворительностью, и я тоже буду – после выпуска. Я хочу решать местные проблемы и делать мир лучше прямо здесь, в Северной Каролине. Вы знаете, что некоторым людям в нашем штате до сих пор приходится пользоваться удобствами во дворе? Представляете? У них в доме нет канализации. Кто-то должен заниматься решением таких вопросов.

– Подожди, – сказала Дрю. – Я запуталась.

Она приехала из Питсбурга и была одета точно так же, как Мэри-Кейт, вплоть до шляпы и сапог.

– Ты хочешь сказать, что благотворительный фонд твоего отца строит туалеты?

Изящные брови Мэри-Кейт взмыли вверх.

– Ты вообще о чем?

– Ваша благотворительная организация. Ты сказала, что она строит туалеты.

Мэри-Кейт склонила голову набок, глядя на Дрю как на умственно отсталую.

– Она дает стипендии нуждающимся детям. При чем тут туалеты?

«Ну, не знаю, – подумала София, улыбаясь. – Наверное, потому что ты сама об этом заговорила, вот мы и подумали». Но вслух она ничего не сказала, зная, что Мэри-Кейт не оценит шутку. Когда речь заходила о планах на будущее, звезда студенческой ассоциации утрачивала чувство юмора. В конце концов, будущее – штука серьезная.

– А я думала, ты хочешь вести новости по телевизору, – заметила Бриттани. – На прошлой неделе ты сказала, что тебе предложили работу.

Мэри-Кейт откинула волосы назад.

– Не получится.

– Почему?

– Это утренний выпуск новостей в Оуэнсборо, штат Кентукки.

– И что? – спросила одна из младших студенток, явно озадаченная.

– Оуэнсборо! Вы когда-нибудь слышали про Оуэнсборо?

– Нет. – Девушки обменялись робкими взглядами.

– И я тоже, – объявила Мэри-Кейт. – Нет, я не собираюсь переезжать в Оуэнсборо, штат Кентукки. Это же страшное захолустье. И вставать в четыре утра я тоже не намерена. И потом, я же сказала, что хочу сделать мир лучше. Вокруг столько людей, которые нуждаются в помощи. Я давно об этом думаю. Папа говорит...

Но София уже не слушала. Желая найти Марсию, она поднялась с табурета и оглядела толпу. Сарай был битком набит людьми, и они все прибывали. Протиснувшись мимо нескольких девушек, болтавших с парнями, София начала пробираться сквозь толпу, ища взглядом черную ковбойскую шляпу Марсии. Но тщетно. Черные шляпы маячили повсюду. Она попыталась припомнить, какая шляпа у Эшли. Кремовая, кажется. Круг поисков немного сузился, и наконец София заметила подруг. Она двинулась в их направлении, протискиваясь в толпе, когда вдруг что-то мелькнуло в поле зрения...

Точнее, кто-то.

Девушка остановилась и вытянула шею, чтобы разглядеть получше. Обычно благодаря росту Брайана несложно было заметить в толпе, но на пути было так много высоких людей в шляпах, что София засомневалась. Но в любом случае ей вдруг стало неудобно. Она попыталась внушить себе, что ошиблась, что у нее разыгралось воображение.

И все-таки она не перестала вглядываться. Пытаясь не обращать внимания на растущую тревогу, София рассматривала непрерывно движущуюся толпу. «Его здесь нет», – внушала она себе, но тут же заметила знакомое лицо: Брайан пробирался в толкучке, в компании двух приятелей.

Девушка застыла, глядя, как парни движутся к свободному столику. Брайан прокладывал себе дорогу, точь-в-точь как на поле для лакросса. София глазам своим не верила. В голове крутилась одна мысль: «Ты и здесь меня выследил, да?»

Она почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она приехала отдохнуть с подругами... о чем он вообще думает? София ясно дала понять, что не хочет с ним встречаться; она прямо заявила, что не желает даже разговаривать. Ей очень хотелось подойти к Брайану и повторить в лицо, что все кончено.

Но девушка этого не сделала, потому что знала: никакого толку не будет. Марсия была права. Брайан искренне полагал, что достаточно поговорить с Софией – и она непременно передумает. Он не сомневался, что она не устоит, если он хорошенько извинится и пустит в ход свое обаяние. В конце концов, раньше София его прощала. Так почему бы ей не сделать этого и на сей раз?

Отвернувшись, София зашагала через толпу к Марсии, благодаря Бога за то, что отошла от стойки. Меньше всего ей хотелось, чтобы Брайан подошел и изобразил удивление. Не важно, что случилось на самом деле, но в конце концов именно ее выставят бессердечной стервой. А почему? Потому что Брайан играл в мужской ассоциации роль Мэри-Кейт. Знаменитый игрок студенческой сборной по лакроссу, одаренный кинематографической внешностью, сын богатого банкира, Брайан без особых усилий стал лидером в своем кругу. Все студенты поклонялись Брайану, и София твердо знала, что половина девушек в общежитии были бы не прочь с ним замутить.

Вот и пусть забирают его себе.

София продолжала протискиваться в толпе, когда оркестр закончил одну песню и заиграл следующую. Она заметила Марсию и Эшли, которые стояли возле танцпола и разговаривали с тремя парнями, на вид парой лет старше, в узких джинсах и ковбойских шляпах. Когда София коснулась плеча Марсии, та обернулась, как будто смущенная. А еще она была пьяна.

– А, это ты, – выговорила она, с трудом ворочая языком, и подтолкнула подругу вперед. – Ребята, это София. А это Брукс, Том и... – Марсия прищурилась, глядя на парня, стоявшего между Бруксом и Томом. – Как тебя, напомним?

– Терри.

– Привет, – машинально сказала София и повернулась к Марсии. – Можно тебя на пару слов?

– Прямо сейчас? – Та нахмурилась. Она хоть и развернулась к подруге, но не сводила глаз с парней и не скрывала раздражения. – Ну, что случилось?

– Брайан здесь, – шепнула София.

Марсия прищурилась, словно желая убедиться, что не ослышалась, а потом кивнула. Они отошли подальше от танцпола. Музыка там гремела не так сильно, но Софии пришлось повысить голос, чтобы быть услышанной.

– Он опять притащился следом за мной.

Марсия взглянула через плечо подруги.

– Где он?

– За одним из столов, со своей компанией. Он приехал с Джейсоном и Риком.

– Как он узнал, что ты здесь?

– Ну, это не секрет. Половина кампуса знала, куда мы сегодня собирались.

София накалялась, а Марсия вновь переключилась на парней, с которыми разговаривала до появления подруги. Она с явным нетерпением повернулась к Софии.

– Ну ладно, допустим, Брайан здесь, – произнесла она, пожав плечами. – И что ты теперь будешь делать?

– Не знаю, – ответила София, скрестив руки на груди.

– Он тебя видел?

– Вряд ли. Но я не хочу, чтобы он устроил сцену.

– Давай я с ним поговорю.

– Не надо. – София покачала головой. – Честно говоря, я сама не знаю, как лучше.

– Тогда расслабься. Плюнь на него. Не отходи от нас. Мы можем и здесь потусить. А если он сам к нам подойдет, я начну с ним заигрывать, чтоб он отвлекся. – Марсия лукаво улыбнулась. – Сама знаешь, он ко мне неровно дышал. То есть до того, как замутил с тобой.

София крепче сжала руки на груди.

– Может быть, уедем?

Марсия отмахнулась.

– Как? До кампуса час езды, и мы обе без машины. Ты забыла, что нас привезла Эшли? И я точно знаю, что она твердо намерена побыть еще.

София об этом не подумала.

– Ну брось, – умоляюще сказала Марсия. – Давай выпьем. Мы познакомились с такими славными парнями. Они учатся в магистратуре в Дьюке.

София покачала головой.

– Я сейчас не в настроении.

– Тогда чего ты хочешь?

София взглянула на ночное небо, видневшееся сквозь распахнутые двери в дальнем конце, и внезапно испытала непреодолимое желание выбраться из душного, битком набитого людьми сарая.

– Я хочу подышать свежим воздухом.

Подруга проследила ее взгляд и вновь посмотрела на Софию.

– Мне выйти с тобой?

– Нет, все нормально. Потом я тебя найду. Не уходи далеко, ладно?

– Не вопрос, – с явным облегчением ответила Марсия. – Я правда могу составить тебе компанию...

– Успокойся, я ненадолго.

Марсия вернулась к новым друзьям, а София зашагала в дальний конец сарая. По мере того как она отдалялась от оркестра и танцпола, толпа редела. Несколько раз парни пытались привлечь внимание девушки, когда та проходила мимо, но София притворялась, что ничего не слышит, решив не уклоняться от намеченного маршрута.

Огромные деревянные двери были открыты, и, шагнув наружу, София испытала истинное облегчение. Музыка во дворе звучала негромко, а морозный осенний воздух подействовал как бальзам. Она и не сознавала, какая, оказывается, духота царила внутри. София огляделась в поисках местечка, чтобы сесть. Неподалеку рос толстый дуб, его скрюченные ветки торчали во все стороны, там и сям небольшими компаниями стояли люди, с сигаретами и пивом. София не сразу заметила огромную площадку, огороженную деревянными перилами, которые отходили во все стороны от стен сарая. Несомненно, некогда здесь было нечто вроде загона.

Во дворе никаких столов не стояло, компании сидели прямо на ограде или стояли, прильнув к ней. Несколько человек устроились на старой тракторной крышке. Чуть поодаль какой-то парень в ковбойской шляпе рассматривал соседнее пастбище. Его лицо скрывала тень. София лениво задумалась, не учился ли и он в Дьюке, хотя тут же усомнилась в этом. Отчего-то ковбойские шляпы с магистратурой не вязались.

Девушка зашагала к пустому участку ограды, в нескольких метрах от одинокого ковбоя. Небо у нее над головой было ясное, как хрусталь, на горизонте над деревьями висела луна. София облокотилась на грубо оструганную доску и огляделась. Справа темнели трибуны, с которых она днем наблюдала за родео, за ними тянулись маленькие загоны, где паслись быки. Хотя там свет не горел, прожектора над ареной еще не выключили, и животных окружало призрачное сияние. За загонами стояли двадцать-тридцать пикапов и трейлеров, в окружении владельцев. Даже издалека София видела рдеющие сигареты и время от времени слышала звон бутылок. Она задумалась, что бывает здесь до наступления сезона родео. Может быть, конские выставки? Или собачьи? Или сельские ярмарки? Или еще что-нибудь? Ограды и трибуны имели потрепанный и унылый вид, наводивший на мысль о том, что большую часть года никто сюда не заглядывает. Ветхий сарай усиливал это впечатление, но, в конце концов, не ей об этом судить. Она родилась и выросла в Нью-Джерси.

По крайней мере так сказала бы Марсия. Она твердила об этом с первого курса, и поначалу Софию веселили насмешки подруг, но потом они утратили прелесть новизны. А сегодня девушка вновь улыбнулась давней, никому теперь не понятной шутке. Марсия родилась и выросла в Шарлотте, всего в паре часов езды от Уэйк-Форест. София еще помнила изумле-

ние Марсии, когда она сказала, что приехала из Джерси-Сити. С тем же успехом она могла объявить, что прилетела с Марса.

София признавала, что подруга удивлялась неспроста. Их прошлое разительно отличалось. Марсия была младшей из двух детей, ее отец работал хирургом-ортопедом, а мать – юристом-экологом. Старший брат учился на последнем курсе юридического колледжа в Вандербилте. Хотя семья и не входила в список Форбса, она, несомненно, относилась к высшим слоям общества. Такие девочки, как Марсия, берут уроки танцев и верховой езды, а на шестнадцатилетие получают «мерседес» с откидным верхом. София, напротив, родилась в семье эмигрантов, француженки и словака. Они приехали в Америку, не имея ничего, кроме небольшой суммы наличных в карманах. Хотя оба успели получить на родине высшее образование – отец был химик, мать фармацевт, – по-английски они говорили плохо, а потому много лет пробавлялись черной работой и жили в крошечных убогих квартирках, пока не накопили достаточно денег, чтобы открыть собственную закусочную. В процессе они обзавелись тремя детьми, и София, старшая из сестер, с самого детства работала бок о бок с родителями после школы и по выходным.

Дела шли с переменным успехом, денег хватало, чтобы кормить семью, но не более. Как и многие ее одноклассники, София почти до самого выпуска полагала, что поступит в Рутгерс. Она подала документы в Уэйк-Форест просто так, по совету учительницы, хотя и понимала, что для нее это слишком дорого. Да София и почти ничего не знала про Уэйк-Форест. Она видела только красивые фотографии на университетском сайте. Но, к огромному удивлению девушки, она поступила именно в Уэйк-Форест и получила стипендию, покрывающую расходы на обучение, а потому в августе София села на автобус в Нью-Джерси и покатила в неведомый колледж, где ей предстояло провести следующие четыре года.

Девушке повезло, по крайней мере с точки зрения качества образования. Уэйк-Форест был меньше Рутгерса, а значит, меньше были и группы, и преподаватели по истории искусств страстно полюбили свои предметы. София уже прошла одно собеседование в Денверском музее искусств – и нет, ей не задали ни единого вопроса по поводу членства в «Кси-омега». Девушка считала, что выдержала испытание, хотя результатов еще не знала. Прошлым летом она накопила достаточно денег, чтобы купить свою первую машину. Ничего особенного, поддержанная «тойота-королла», с пробегом более чем в сто тысяч миль, вмятиной на задней двери и несколькими царапинами, но София, которая всю жизнь ходила пешком либо ездила на велосипеде, испытала огромную радость при мысли о том, что теперь будет ездить куда и когда вздумается.

Стоя у ограды, она поморщилась. Всегда, кроме сегодняшнего вечера. Но она сама была виновата. Могла бы и сесть за руль, но...

И отчего Брайану понадобилось сюда приезжать? На что он надеялся? Неужели он искренне надеялся, что она забудет, как он виноват? Брайан ведь изменил не раз и не два, а целых три. Неужели он решил, что она его простит, как уже бывало прежде?

А главное, она совсем по нему не скучала. София не собиралась прощать Брайана, и, если бы он ее не преследовал, она бы окончательно выкинула из головы все мысли о нем. Но все-таки Брайан мог испортить вечер, и Софию это беспокоило. Потому что она сама была тому причиной. Потому что дала Брайану власть над собой.

«Ну хватит», – подумала девушка и решила, что вернется в сарай и будет развлекаться с Марсией, Эшли и парнями из Дьюка. Ничего страшного, даже если Брайан подойдет и захочет поговорить. Она просто не обратит на него внимание. А если он попытается испортить ей настроение? Тогда, может быть, она даже поцелует одного из тех парней, чтобы Брайан убедился, что она больше о нем не думает, и точка.

Улыбнувшись при этой мысли, София отвернулась от ограды, в кого-то врезалась и чуть не упала.

– Извините, – машинально сказала она и выставила руку, чтобы удержать равновесие. Коснувшись груди незнакомца и подняв глаза, девушка немедленно узнала Брайана – и отшатнулась.

– Привет, – сказал Брайан, удерживая ее за плечи.

София обрела равновесие и с мучительным ощущением предсказуемости оценила ситуацию. Он ее нашел. Они оказались наедине. Именно этого она пыталась избежать со времен разрыва. Просто супер.

– Прости, что так подкрался. – Брайан, как и Марсия, с трудом ворочал языком, и Софию это не удивило: он никогда не упускал возможности заложить за воротник. – Я не нашел тебя за столами и подумал, что ты, наверное, здесь.

– Что тебе надо, Брайан? – перебила девушка.

Он заметно вздрогнул, услышав ее голос. Но, как всегда, быстро оправился. Богатые и избалованные умеют держать лицо.

– Ничего, – ответил он, сунув руку в карман джинсов, и слегка пошатнулся. София поняла, что Брайан пьян почти до невменяемости.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Я увидел тебя здесь одну и подумал: ну, надо подойти и глянуть, все ли нормально. – Он склонил голову набок, разыгрывая привычный сценарий под названием «Я такой заботливый», но налитые кровью глаза уменьшили эффект.

– Все было нормально, пока ты не пришел.

Брайан поднял бровь.

– Ого. Грубишь, детка.

– А что еще мне остается? Ты за мной ходишь как маньяк.

Он кивнул, признавая правоту Софии. И разумеется, чтобы показать, что принимает критику. Брайан мог бы стать звездой фильма под названием «Как сделать так, чтобы девушка снова тебя простила».

– Знаю, – ответил он прочувствованным тоном. – И я очень сожалею.

– Правда?

Брайан пожал плечами.

– Я не хотел, чтобы все закончилось именно так... и мне стыдно. Ты не заслужила такого обращения, и я не виню тебя за то, что ты решила поставить точку. Я понимаю, что был...

София покачала головой. Она уже устала слушать.

– Зачем ты это делаешь?

– Что?

– Вот это. Разыгрываешь спектакль. Приезжаешь сюда, унижаешься, просишь прощения... чего тебе надо?

Казалось, вопрос застал Брайана врасплох.

– Я просто хочу извиниться...

– За что? – перебила София. – За то, что ты в третий раз мне изменил? За то, что лгал с тех самых пор, как мы познакомились?

Он моргнул.

– Перестань, София. Не надо так. Никакого тайного умысла у меня нет, честное слово. Я не хочу, чтоб ты целый год старалась избегать встреч. Мы ведь так много пережили вместе...

Несмотря на опьянение, Брайан говорил достаточно убедительно.

– Ты что, не понимаешь?

Господи, неужели он и правда думал, что она простит измену?!

– Я не стараюсь избегать встреч. Я действительно не хочу тебя видеть.

Он в явном замешательстве уставился на девушку.

– Почему ты так говоришь?

– Ты шутишь?!

– Когда ты со мной порвала, я понял, что совершил самую большую ошибку в жизни. Потому что ты мне нужна, София. Ты на меня хорошо влияешь. Рядом с тобой я становлюсь лучше. Хотя мы и расстались, я думал, мы все-таки сможем иногда общаться. Просто общаться. Как раньше. До того, как я...

София открыла рот, чтобы ответить, но от такой наглости утратила дар речи. Неужели Брайан решил, что она вновь клонет на подобные слова?

– Перестань, – продолжал он, беря девушку за руку. – Давай выпьем и поговорим. Мы обязательно...

– Отстань! – резко выкрикнула она.

– София...

Она отошла.

– Я сказала, не трогай меня!

Впервые она заметила у него на лице вспышку гнева. Брайан схватил ее за руку.

– Успокойся.

София рванулась, пытаясь освободиться.

– Отпусти!

Но вместо этого он притянул девушку ближе, так что она почувствовала запах пива.

– Почему ты всегда устраиваешь сцену? – поинтересовался Брайан.

Сопротивляясь, она посмотрела на него и почувствовала ледяной ужас. София не узнавала Брайана. Лоб парня был нахмурен и изрыт морщинами, челюсть отвисала. Она отодвинулась подальше от горячего дыхания и замерла. Ее сковал ледяной ужас... а потом София услышала за спиной голос.

– Ты лучше отпусти девушку, – сказал кто-то.

Брайан оглянулся, снова посмотрел на Софию и сильнее сжал пальцы.

– Мы просто болтаем, – ответил он, стиснув зубы. На щеках у него заиграли желваки.

– А мне так не кажется, – произнес голос. – И это не просьба, старик.

В словах явственно слышалось предостережение, но в отличие от задиристых обменов репликами, свидетельницей которых порой София становилась на кампусе, звучали они спокойно.

Прошло несколько секунд, прежде чем Брайан распознал в этих словах угрозу, но уж точно не испугался.

– Я сам разберусь, а ты не лезь не в свое дело.

– Последнее предупреждение, – сказал незнакомец. – Не хочу делать тебе больно. Но придется.

София, слишком встревоженная, чтобы обернуться, не могла не заметить, что стоявшие вокруг сарая люди начали стягиваться на шум. Краем глаза она увидела, как двое сидевших на старой крышке мужчин поднялись и зашагали к ним; еще двое оттолкнулись от ограды. Поля шляп скрывали лица.

Брайан метнул на них взгляд налитых кровью глаз и яростно посмотрел поверх плеча Софии на незнакомца.

– Что, зовешь дружков?

– Я и один с тобой справлюсь, – ответил тот ровным голосом.

Брайан оттолкнул Софию, выпустив наконец ее руку, повернулся и шагнул навстречу незнакомцу.

– Ты серьезно хочешь драться?

Когда София обернулась, то без труда поняла, отчего Брайан держался так развязно. Ростом он был шесть с половиной футов, весил больше двухсот фунтов и пять раз в неделю ходил в спортзал. Незнакомец, бросивший ему вызов, был ниже на полфута, жилистый, в потертой ковбойской шляпе.

– Вали отсюда, парень, – приказал он, отступая на шаг. – Незачем усугублять.

Брайан промолчал. С удивительной быстротой он рванул к незнакомцу, широко раскинув руки и намереваясь свалить его наземь. София узнала это движение – она столько раз видела, как Брайан сбивает с ног противников на спортивном поле, и хорошо знала, что будет дальше. Сейчас он нагнет голову, как следует оттолкнется ногами от земли, и противник рухнет, как подрубленное дерево. Но... хотя Брайан сделал именно то, что она ожидала, закончилось все не так, как думала девушка. Когда Брайан приблизился, незнакомец уклонился от удара и использовал инерцию противника, чтобы сбить его с ног. В следующее мгновение тот уже лежал носом в землю, и парень поставил свой поношенный ковбойский сапог ему на шею.

– А теперь успокойся.

Брайан затрепыхался, пытаясь подняться, но быстрым движением, продолжая прижимать противника к земле, парень другой ногой быстро наступил задире на пальцы. Брайан, лежа на земле, взвыл от боли, а сапог еще крепче прижал его шею к земле.

– Хватит дергаться, не то будет хуже. – Парень говорил медленно и отчетливо, словно обращался к слабоумному.

Потрясенная быстротой случившегося, София смотрела на ковбоя. Узнав в нем человека, который стоял в одиночестве у изгороди, когда она только вышла из сарая, девушка заметила, что он даже не взглянул на нее. Он был слишком занят, удерживая Брайана, как будто осторожно прижимал к земле змею, от которой Брайан в некоторых отношениях не сильно отличался.

Он вновь начал извиваться, и опять ему на пальцы наступил сапог, в то время как другая нога продолжала давить на шею. Брайан едва удержал вопль и постепенно замер. Только тогда ковбой взглянул на Софию, и в синих глазах отразился свет, падавший из сарая.

– Если хочешь уйти, – сказал он, – я охотно подержу его несколько минут.

Он говорил спокойно, как будто ситуация была для него совершенно обычной. Подбирая подходящий ответ, София рассматривала растрепанные каштановые волосы, выбивавшиеся из-под шляпы. Она поняла, что незнакомец немногим старше ее самой. Он казался ей знакомым, но не потому что она уже видела его у изгороди. Несомненно, он уже попадался девушке на глаза, может быть, в сарае, но что-то здесь было не так, и София тщетно гадала, что именно.

– Спасибо, – сказала она, кашлянув. – Не надо.

Заслышав ее голос, Брайан задержался, и вновь дело закончилось тем, что он с воплем отдернул руку.

– Уверена? – спросил ковбой. – По-моему, он здорово разозлился.

«Это мягко сказано», – подумала София. Она не сомневалась, что Брайан в бешенстве. Девушка не сумела скрыть улыбку.

– Думаю, он усвоил урок.

Ковбой задумался.

– Ну, спроси у него на всякий случай, – предложил он, сдвигая шляпу на затылок. – Просто чтобы проверить.

Сама себе удивляясь, София улыбнулась, прежде чем нагнуться к Брайану.

– Теперь ты оставишь меня в покое?

Брайан издал сдавленный рев.

– Уберите его! Я сейчас встану и...

Ковбой вздохнул и нажал чуть сильнее, вдавив лицо противника в грязь.

София посмотрела на ковбоя, потом опять на Брайана.

– Так да или нет?

Парень в ковбойской шляпе рассмеялся, обнажив ровные белые зубы. Улыбка у него была совсем мальчишеская.

Она только теперь заметила, что вокруг стояли еще четыре ковбоя. У девушки возникло ощущение, что она попала в старый вестерн, и внезапно она вспомнила, где видела этого парня. Не в сарае, а раньше, на родео, которое он выиграл. Именно его Марсия назвала «сладким».

– Как дела, Люк? – крикнул кто-то. – Помощь не нужна?

Синеглазый покачал головой:

– Да нет, все нормально. Только, если он не перестанет дергаться, я ему нос сломаю, хочет он того или нет.

София взглянула на парня.

– Тебя зовут Люк?

Он кивнул:

– Да. А тебя?

– София.

Он коснулся шляпы.

– Приятно познакомиться.

И вновь с ухмылкой взглянул на Брайана.

– Так ты оставишь Софию в покое, если я тебя отпущу?

Брайан признал свое поражение и перестал дергаться. Медленно, но верно давление ослабевало, и Брайан осторожно повернул голову.

– Убери сапог! – прорычал он, со страхом и злостью одновременно.

София переступила с ноги на ногу.

– Лучше отпусти его, – попросила она.

Люк, чуть помедлив, убрал ногу и отступил. Брайан вскочил, готовый к бою. Нос и щека у него были расцарапаны, зубы в грязи. Зажатый в круг, он стоял, мотая головой и переводя взгляд с одного на другого.

Но, хоть и пьяный, идиотом он не был: яростно взглянув на Софию, Брайан отступил. Пять ковбоев не трогались с места и сохраняли невозмутимый вид. Во всяком случае, девушке так казалось. Они всерьез намеревались дать Брайану отпор, но тот сделал еще шаг назад и ткнул в Люка пальцем.

– Мы не закончили, – сказал он. – Усек?

Угроза повисла в воздухе, и парень взглянул на Софию – с гневом и болью. А потом развернулся и зашагал к сараю.

Глава 3

Люк

Обычно он не вмешивается в подобные ситуации.

Каждый, кто бывает в барах, регулярно с таким сталкивается. События разворачиваются почти с комической предсказуемостью: парочка наслаждается приятным вечером, оба пьют, затем начинается ссора, несомненно, вызванная избытком спиртного. Один орет, другой отвечает, напряжение нарастает, и в девяти случаях из десяти парень начинает распускать руки. Хватает девушку за запястье, за плечо. А дальше что?

А дальше бывает всякое. Несколько лет назад Люк выступал в Хьюстоне и оказался примерно в такой же ситуации. Он расслаблялся в местном баре, когда неподалеку парочка начала ссориться. Через минуту они уже кричали друг на друга, потом перешли к обмену оплеухами, и тогда Люк вмешался, но в результате и парень, и девушка набросились на него, требуя, чтобы он убирался в черту и не лез в чужие дела. Она принялась царапать ему лицо и таскать за волосы, а ее спутник тузил Люка кулаками. К счастью, до увечий дело не дошло – другие вмешались и разняли потасовку. В тот день Люк с досады поклялся, что больше не станет лезть, куда не просят. Черт возьми, если кто-то хочет выставить себя идиотом, зачем мешать?

И на сей раз он честно собирался воздержаться. Он вообще не хотел идти на вечеринку после rodeo, но Люка уговорили знакомые ковбои, которые решили отпраздновать его возвращение на арену и выпить за победу. В конце концов, Люк ведь выиграл, в финале и по общей сумме баллов. Не потому что он выступал исключительно хорошо, а просто потому что больше никто не сумел завершить свой финальный заезд. Он победил по чистой случайности, но иногда именно так и бывает.

Люк был рад, что никто не видел, как у него дрожали руки. Эта дрожь возникла впервые, и как бы Люк ни уверял себя, что просто волнуется после долгого перерыва, он знал истинную причину. Мать тоже знала – и недвусмысленно дала понять, что настроена против возвращения сына на арену. С тех самых пор, как он впервые заговорил о возможности вернуться, отношения у них стали натянутыми. Обычно Люк звонил матери, закончив выступление, но сегодня она не порадовалась бы его победе. Вместо этого он просто отправил ей сообщение о том, что все в порядке. Она не ответила.

Выпив пару стаканов пива, Люк наконец почувствовал, как отступает едкий привкус страха. После каждого из первых двух заездов он возвращался в машину, чтобы побыть в одиночестве и успокоиться. Несмотря на свое выгодное положение в турнирной таблице, Люк всерьез подумывал, не поддаться ли. Но он задавил трусость и вышел на последний заезд. Он слышал, пока готовился, как комментатор рассказывал о его травме и вынужденном перерыве. Бык, которого ему подвели, по кличке Насос, бешено заскакал, как только вырвался из загона, и Люк едва удержался на нем до сигнала. Он упал, когда выпустил обвязку, но не пострадал – и замахал шляпой под одобрительные крики толпы.

Потом его хлопали по плечам и поздравляли, и Люк просто не смог отказать всем тем людям, которые хотели с ним выпить. Он, честно говоря, был не готов ехать домой. Люк хотел немного расслабиться, прокрутить в голове события минувшего вечера. В уме он мог прикинуть, где необходимо внести поправки. Произвести разбор полетов было необходимо, если Люк намеревался продолжать свое занятие. Хоть он и выиграл, чувство внутреннего равновесия у него далеко не достигло прежнего уровня. Предстоял долгий путь.

Он вспоминал второй заезд, когда впервые заметил ту девушку. Трудно было не обратить внимания на копну светлых волос и глубоко посаженные глаза. У Люка возникло ощущение, что девушка тоже погружена в собственные мысли. Она была хороша, имела цветущий вид и обладала естественной грацией – из тех, кто одинаково хорошо смотрится в джинсах и в вечернем платье. Не какая-нибудь расфуфыренная куколка, которая надеется подцепить ковбоя. Здесь таких хватало, и они быстро бросались в глаза – две-три, например, уже пытались познакомиться с Люком в баре, но его они совершенно не интересовали. Он пережил достаточно коротких романов, чтобы понять, что после себя они неизбежно оставляют чувство пустоты, и только.

Но девушка у изгороди заинтересовала Люка. Она чем-то отличалась от других, хотя он и не понимал пока чем. Наверное, дело было в том трогательном, почти беспомощном выражении лица, с которым она смотрела вдаль. В любом случае Люк почувствовал, что сейчас ей очень нужен друг. Он задумался, не подойти ли, потом отогнал эту мысль и принялся рассматривать быков. Хотя над ареной еще горел свет, детали терялись в темноте, но все-таки он поискал глазами Страхолюдину. Люк подумал: «Мы всегда будем связаны». Интересно, быка уже погрузили в фургон? Вряд ли его хозяин намеревался провести ночь за рулем, и это значило, что Страхолюдина еще здесь, но тем не менее Люк нашел своего давнего противника не сразу.

Когда он смотрел на Страхолюдину, к девушке привязался подвыпивший нахал. Невозможно было не услышать их разговор, но Люк заставил себя не вмешиваться. И он не полез бы, если бы хам не схватил девушку за руку. К тому моменту уже не оставалось сомнений, что она не желает с ним общаться. Когда Люк услышал, что гнев в ее голосе сменился страхом, то перестал подпирать ограду. Он понимал, что, возможно, опять окажется меж двух огней, но, двинувшись к парочке, вспомнил, как девушка смотрела вдаль, и понял, что у него нет иного выхода.

Люк посмотрел, как удаляется пьяный грубиян, и повернулся к друзьям, чтобы поблагодарить за поддержку. Один за другим ковбои разошлись, оставив Люка и Софию наедине.

Над ними в черном небе множились звезды. В сарае музыканты закончили очередную песню и заиграли следующую – старое классическое кантри Гарта Брукса. С глубоким вздохом София уронила руки, и осенний ветерок слегка раздул ее волосы, когда она повернулась к Люку.

– Прости, что втянула тебя в эту историю. Спасибо за помощь, – застенчиво сказала она.

Люк, теперь имевший возможность разглядеть девушку ближе, заметил необычный зеленый цвет глаз и мягкий тщательный выговор, который наводил на мысль о том, что она приезжая. Он даже не сразу нашелся с ответом – и наконец выговорил:

– Да никаких проблем.

Не дождавсь продолжения, девушка заправила за ухо выбившуюся прядь волос.

– Не думай, Брайан не всегда такой грубый. Мы раньше встречались, и он расстроился, когда я с ним порвала.

– Да, я догадался, – ответил Люк.

– Ты... что-нибудь слышал? – На лице Софии читались смущение и усталость.

– Трудно было не расслышать.

Она поджала губы.

– Я так и думала.

– Обещаю все забыть, если тебе от этого будет легче, – произнес Люк.

Девушка искренне рассмеялась, и Люку показалось, что он услышал нотку облегчения в ее тоне.

- Я тоже постараюсь забыть, – сказала она. – Просто...
- София замолчала, и Люк закончил сам:
- Договорились. По крайней мере на сегодня.
- Она повернулась и несколько секунд рассматривала освещенный сарай.
- Надеюсь.
- Люк зашаркал ногами, словно пытаясь откопать слова в пыли.
- Твои друзья там?
- София окинула взглядом мелькающие за дверями фигуры.
- Да, мы приехали компанией, – ответила она. – Я учусь в Уэйк-Форест, и мои подруги по женскому клубу решили, что мне нужно развлечься.
- Наверное, они гадают, куда ты делаешь.
- Сомневаюсь. Им слишком весело, чтоб о ком-то беспокоиться.
- С нижней ветки дерева, стоявшего у загона, послышалось уханье совы, и оба обернулись на звук.
- Проводить тебя? На случай если по пути кто-нибудь привяжется.
- К удивлению Люка, она покачала головой:
- Нет. Лучше я немного постою здесь. Чтоб Брайан успел остыть.
- «Только если он перестанет пить», – подумал Люк и напомнил себе: «Не лезь. Это не твое дело».
- Хочешь побыть одна?
- На лице девушки мелькнуло удивление.
- Да нет. Что, я тебе уже наскучила?
- Нет, – ответил он, покачивая головой. – Вовсе нет. Просто я не хочу...
- Я шучу. – София подошла к изгороди, облокотилась и с улыбкой повернулась к Люку. Тот, помедлив, тоже привалился к жерди, но чуть поодаль, как заметила София. Она принялась рассматривать невысокие холмы вдалеке, а Люк молча изучал ее лицо, заметив в том числе маленькую сережку в ухе. Он пытался подобрать какие-нибудь слова.
- Ты на каком курсе? – наконец спросил он. Люк знал, что это глупый вопрос, но больше ничего не сумел придумать.
- На последнем.
- То есть... тебе двадцать два?
- Двадцать один, – сказала она, полуобернувшись к собеседнику. – А тебе?
- Я старше.
- Но наверное, ненамного. Ты где учился?
- Люк пожал плечами.
- Нет, учеба – это не мое.
- Ты зарабатываешь скачками на быках?
- Да, когда не падаю, – ответил Люк. – А иногда становлюсь для быка игрушкой, если не удается вовремя унести ноги.
- Девушка подняла бровь.
- Сегодня ты отлично выступил.
- Ты меня запомнила?
- Конечно. Ты же удержался на всех своих быках и выиграл.
- Да, вечер был удачный, – признал он.
- Так тебя зовут Люк...
- Коллинз, – закончил он.
- Да, точно, – сказала София. – Комментатор много о тебе рассказывал перед началом заезда.
- И?

– Честно говоря, я не особенно слушала. Тогда я ведь не знала, что ты придешь мне на помощь.

Он заподозрил, что девушка иронизирует, но София говорила искренне, удивив Люка. Ткнув пальцем в сторону старой крыши, он заметил:

– Те парни тоже пришли на помощь.

– Но вмешались не они, а ты...

Она помолчала, а потом спросила:

– Можно задать один вопрос? Я весь вечер об этом думаю.

Люк отковырнул щепочку с ограды.

– Валяй.

– Зачем ты вообще этим занимаешься? Ты же страшно рискуешь.

«Да», – подумал он. Буквально все хотели знать зачем. И он ответил, как всегда:

– Просто я с детства мечтал стать ковбоем. Я начал объезжать телят еще мальчишкой. На своем первом теленке я прокатился в четыре года, а в третьем классе уже скакал на годовалом бычке.

– Но как ты вообще начал? Кто тебя заинтересовал?

– Отец, – ответил Люк. – Он много лет участвовал в родео. Скакал на диких лошадях. Правила, в общем, те же самые, только вместо быка лошадь. Восемь секунд, держишься одной рукой, а животное пытается тебя сбросить.

– Да, только у лошадей нет рогов длиной с бейсбольную битку. Они гораздо меньше и не такие опасные.

Люк задумался.

– Да, пожалуй.

– Так почему же ты предпочел быков? – спросила девушка, обеими руками заправляя выбившиеся пряди волос.

– Долгая история. Ты точно хочешь послушать?

– Я бы не стала спрашивать, если бы не хотела.

Люк покрутил шляпу в руках.

– Меня, можно сказать, жизнь заставила. Отец наматывал в год сто тысяч миль, переезжая с родео на родео, и это просто чтобы дойти до финала Национального кубка. Такие мероприятия обычно тяжело переносит вся семья участника, и не только потому что мужчина почти не бывает дома, но еще он и зарабатывает немного. Дорожные расходы и вступительный взнос... наверное, отец в результате получал бы больше, даже если бы работал за самую низкую зарплату. Он не хотел для меня такой судьбы, поэтому, когда он услышал, что родео с быками становится отдельным видом состязаний, то решил, что это неплохой вариант. Тогда отец стал давать мне уроки. Разъезжать тоже приходится много, зато выступления проходят только по выходным, что позволяет смотаться туда-обратно. Ну и кошельки здесь потолще.

– Значит, он оказался прав.

– У него во всем была прекрасная интуиция. – Эти слова сорвались с губ, прежде чем Люк успел задуматься; увидев выражение лица девушки, он понял, что она догадалась, и вздохнул. – Папа умер шесть лет назад.

София не отвела взгляд. Она машинально коснулась руки молодого человека и произнесла:

– Соболезную.

Хотя она быстро отняла руку, все же успела ощутить его теплоту.

– Ничего, – сказал Люк, распрямив плечи. Он уже чувствовал, как накатывает усталость после скачки, и постарался сосредоточиться на болевших мышцах. – Короче говоря, вот почему я объезжаю быков.

– И тебе нравится?

Непростой вопрос. Долгое время он не мыслил для себя иной жизни. А теперь? Люк не знал, что ответить, потому что сам сомневался. И он увильнул от ответа.

– А почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, – сказала София. – Может быть, потому что это образ жизни, который мне совсем не знаком. Или потому что я любопытна от природы. Опять же, может быть, я просто поддерживаю разговор.

– А если честно?

– Я, конечно, могу ответить, – произнесла София, и ее зеленые глаза соблазнительно сверкнули в лунном свете. – Но тогда будет неинтересно. Пусть останется некоторая недосказанность.

Что-то шевельнулось в нем, когда он услышал в голосе девушки вызов.

– Откуда ты приехала? – спросил Люк, чувствуя, что его втягивает в водоворот, но совершенно не возражая. – Ты, кажется, не здешняя.

– С чего ты взял? Я говорю с акцентом?

– Для этого штата – да. Но на севере решили бы, что с акцентом говорю я.

– Я из Нью-Джерси... – София помедлила. – Только не надо шуток.

– С какой стати? Я люблю Нью-Джерси.

– Ты там бывал?

– Да, в Трентоне. Несколько раз выступал на арене Соверен-Банк. Знаешь, где это?

– Я знаю, где Трентон, – ответила София. – К югу от нашего города, ближе к Филадельфии. А я живу на севере.

– Ты была в Трентоне?

– Много раз, только арену никогда не видела. Да и на родео, если на то пошло, я сегодня в первый раз.

– И что скажешь?

– Помимо того, что я впечатлена? Я подумала, что все вы сумасшедшие.

Люк засмеялся, очарованный ее искренностью.

– Ты знаешь, как меня зовут, а я что-то не припоминаю...

– София Данко, – сказала девушка и, предугадав следующий вопрос, добавила: – Мой отец родом из Словакии.

– Это где-то в Канзасе?

Она моргнула, открыла и закрыла рот. Как только София вознамерилась обрисовать ему карту Европы, Люк улыбнулся.

– Шучу. Я знаю, где находится Словакия. В Центральной Европе. Она когда-то входила в состав Чехословакии. Я просто хотел посмотреть на твою реакцию.

– И?

– Нужно было тебя сфотографировать и показать друзьям.

Девушка нахмурилась, а потом игриво ткнула его локтем.

– Это уже грубо!

– Зато смешно.

– Да, – признала она. – Смешно.

– Значит, твой отец из Словакии...

– А мама француженка. Они приехали в Америку за год до моего рождения.

Люк повернулся к ней.

– Серьезно?

– Ты, кажется, удивлен?

– Я никогда еще не встречал наполовину француженку, наполовину словачку. Черт возьми, да я вообще не знал никого из Нью-Джерси!

София рассмеялась, и Люк почувствовал, как лед в его душе начал таять. Он понял, что хочет вновь услышать ее смех.

– Ты живешь где-то неподалеку?

– Да, рядом. На север от Уинстон-Сэлама.

– Звучит заманчиво.

– Ничего особенного. Маленький городок, приятные люди, и ничего более. Там у нас ранчо.

– У нас?

– Да, у нас с мамой. То есть на самом деле ранчо мамино, а я там просто живу и работаю.

– То есть... настоящее ранчо? С коровами, лошадьми и свиньями?

– Там даже есть сарай, по сравнению с которым этот вот – просто особняк.

София взглянула на постройку у себя за спиной.

– Сомневаюсь.

– Если хочешь, я тебе его как-нибудь покажу. Покатаю на лошади и все такое.

Их взгляды на мгновение встретились. И вновь София коснулась его руки.

– Я буду очень рада, Люк.

Глава 4

София

София сама не понимала, почему так быстро согласилась. Слова слетели с губ девушки, прежде чем она успела опомниться. Ей пришло в голову, что хорошо бы отказаться или как-нибудь увильнуть, но ее что-то остановило.

Люк располагал к себе не только благодаря внешности, хотя Марсия не ошиблась, он действительно был очень симпатичен – моложавый, с добродушной улыбкой, с ямочками на щеках, поджарый и жилистый, широкоплечий и узкобедрый, с растрепанной копной каштановых кудрей под старой шляпой. Выглядел он очень сексуально. Но в первую очередь внимание привлекали его глаза. София всегда была равнодушна к красивым глазам. У Люка они были синие, такие яркие, что София сначала подумала, что он носит цветные контактные линзы, но тут же решила, что подобные уловки казались Люку просто смешными.

Софии было приятно, что и он нашел ее симпатичной. В подростковом возрасте она была дылдой с тощими костлявыми ногами, плоскими бедрами и россыпью прыщей. Полноценный бьютигальтер Софии впервые понадобился в старшей школе. Лишь в выпускном классе она начала меняться, хотя по большей части чувствовала себя неловкой и неуклюжей. До сих пор, рассматривая себя в зеркало, София порой видела прежнюю нескладную девчонку и удивлялась, отчего этого не замечают другие.

Как бы ни льстило девушке внимание Люка, больше всего Софии понравилось то, что в его присутствии все делалось проще и понятней, начиная с невозмутимой расправы над Брайаном и заканчивая непринужденным разговором. У Софии не возникло впечатления, что Люк пытался ее поразить, но спокойное самообладание разительно отличало молодого ковбоя от парней, с которыми она общалась в колледже, особенно от Брайана.

Еще Софии понравилось, что он не мешал ей думать. Многие люди испытывают желание заполнить любую паузу. Люк, напротив, просто наблюдал за быками и думал о чем-то своем. Спустя некоторое время она поняла, что музыка в сарае временно прекратилась – видимо, музыканты сделали перерыв, – и задумалась, не будет ли Марсия ее искать. София надеялась, что не будет. Пока по крайней мере.

– А каково жить на ранчо? – спросила она, нарушив молчание. – Чем ты занят целый день?

Люк скрестил ноги, уткнув мысок сапога в землю.

– Разными делами. Там всегда работы хватает.

– Например?

Он рассеянно помял ладони и задумался.

– Ну, во-первых, лошадей, свиней и кур надо утром покормить, а сараи вычистить. И вообще за скотом нужен глаз да глаз. Я каждый день объезжаю стадо, чтобы убедиться, что все нормально – никаких глазных инфекций, порезов от колючей проволоки и так далее. Если животное поранится или заболит, я стараюсь как можно скорей оказать помощь. Еще нужно проводить на пастбища воду и периодически перегонять скот с места на место, чтобы трава лучше росла. Пару раз в год я провожу вакцинацию. Приходится привязывать коров по одной, а потом некоторое время держать их порознь. Еще у нас довольно большой огород, и он тоже требует внимания...

София похлопала глазами и шутливо спросила:

– И всего-то?

– Нет, – сказал Люк. – Мы продаем тыквы, чернику, мед и елки на Рождество, поэтому иногда часть дня я занимаюсь прополкой, посадкой, поливкой или сбором меда. А когда покупателей нет, подвязываю деревья, помогаю грузить тыквы и так далее. Ну и, конечно, обязательно придется что-нибудь чинить – трактор, косилку, изгородь, сарай или крышу. – Он скорчил жалостную гримасу. – Поверь, на ранчо всегда есть чем заняться.

– Быть не может, чтобы ты справлялся в одиночку, – недоверчиво сказала София.

– Разумеется. Мне помогают мама и еще один парень, Хосе, который много лет у нас работает. Он в основном занимается тем, до чего у нас не доходят руки. А иногда мы приглашаем целые бригады рабочих на пару дней, чтобы стричь деревья, например.

София нахмурилась.

– Стричь деревья? Ты имеешь в виду рождественские елки?

– Между прочим, они не всегда бывают ровные от природы. Им нужно придавать форму по мере роста, чтобы получился аккуратный треугольник.

– Правда?

– А тыквы надо переворачивать, чтобы не начали гнить снизу. И чтобы они выросли круглыми или по крайней мере овальными, иначе их никто не купит.

Девушка сморщила нос.

– То есть в буквально смысле перекачивать тыквы с боку на бок?

– Да. Притом осторожно, чтобы не сломать стебель.

– Я и не знала.

– Ничего страшного. Зато ты, наверное, знаешь много чего другого.

– Ты по крайней мере помнишь, где находится Словакия.

– Я всегда любил историю и географию. Но если задать мне вопрос по химии или алгебре, я непременно спасую.

– Я тоже никогда не любила математику.

– Но ты наверняка хорошо училась. Держу пари, в классе по успеваемости ты была из первых.

– С чего ты взял?

– Ты же учишься в Уэйке, – ответил Люк. – Ты, должно быть, по всем предметам получила высший балл. А что ты изучаешь в колледже?

– Уж точно не сельское хозяйство.

На его щеках вновь появились ямочки.

София провела пальцем по изгороди.

– Я занимаюсь историей искусств.

– Ты этим всегда интересовалась, да?

– Вовсе нет, – ответила девушка. – Когда я приехала в Уэйк, то понятия не имела, чем хочу заниматься, поэтому стала ходить на все лекции подряд, как обычно делают первокурсники, в надежде, что чем-нибудь увлекусь. Я мечтала найти занятие, которое вызовет во мне... страсть. Понимаешь?

Замолчав, она почувствовала, как Люк внимательно и сосредоточенно смотрит на нее. Его искренний интерес еще раз убедил девушку в том, что он сильно отличается от парней, знакомых ей по кампусу.

– Короче говоря, на втором курсе я записалась на лекции по французскому импрессионизму, в основном чтобы занять время, а не по какой-то конкретной причине. Но профессор оказался просто блеск – умный, интересный, вдохновенный... идеальный преподаватель. Искусство в его рассказах оживало и казалось по-настоящему важным. И после пары лекций у меня в голове что-то щелкнуло. Я поняла, чем хочу заниматься, и, чем больше лекций по истории искусств я слушала, тем тверже убеждалась, что должна стать частью этого мира.

– Наверное, ты рада, что посещала те лекции, да?

– Да... в отличие от моих родителей. Они хотели, чтобы я занялась медициной, или правом, или бухгалтерским делом. Чем-то, что обеспечит мне работу после выпуска.

Люк подергал себя за рукав.

– Насколько я знаю, главное – получить диплом. А работать потом можно где угодно.

– Вот и я им так говорю. Но моя мечта – работать в музее.

– Ну так и работай.

– Это не так легко, как ты думаешь. Людей с дипломами полно, а мест мало. И потом, множество музеев едва сводят концы с концами, а значит, увольняют персонал. Мне очень повезло, что меня пригласили на собеседование в Денверский художественный музей. Я буду вроде как на практике, без зарплаты, но они сказали, что, возможно, я получу оплачиваемую должность. Конечно, возникает вопрос, каким образом платить по счетам. Я не хочу, чтобы родители меня содержали, да это им и не по карману. Моя младшая сестра учится в Рутгерсе, а еще две скоро закончат школу...

Она замолчала, словно испугавшись. Люк, казалось, читал мысли девушки – он не настаивал на продолжении.

– Чем занимаются твои родители? – спросил он.

– Держат закусочную. Сыры и мясные блюда. Свежий хлеб. Домашние сэндвичи. Супы.

– Вкусно?

– Потрясающе.

– Если я однажды там окажусь, что посоветуешь заказать?

– Что угодно – не ошибешься. Мама готовит фантастический грибной суп. Мой любимый. Хотя наше заведение больше славится стейком под сыром. Когда в офисах обеденный перерыв, у нас обычно длинная очередь, и большинство заказывают именно стейк. Пару лет назад мы даже получили за него награду. «Лучший сэндвич со стейком в городе».

– Правда?

– Да. Одна газета устроила конкурс. Мой отец повесил грамоту в рамочке прямо над прилавком. Может быть, я тебе однажды покажу.

Он, по обыкновению, сложил ладони перед грудью.

– Буду очень рад посмотреть, София.

Она засмеялась, оценив шутку. Девушке понравилось, как он произнес ее имя. Оно прозвучало медленнее, чем она привыкла, но в то же время напевней – звуки лились неторопливой приятной мелодией. София напомнила себе, что они совсем не знакомы, но отчего-то Люк уже не казался ей чужим. Она вновь прислонилась к столбу ограды.

– А те, другие парни, которые к тебе подошли... ты приехал с ними?

Он посмотрел через плечо и вновь обернулся к Софии.

– Нет. На самом деле, я только одного из них знаю. Мои друзья все внутри. Скорее всего обхаживают твоих подруг.

– А ты почему не там?

Люк пальцем сдвинул шляпу на затылок.

– Я уже был. Заходил ненадолго. Но как-то не хотелось долго разговаривать, вот я и вышел.

– Ну, зато сейчас, похоже, ты в настроении.

– Да. – Он смущенно улыбнулся. – Только мне особо не о чем рассказывать, кроме того, что я уже сказал. Я езжу на быках и работаю на ранчо. У меня не такая уж интересная жизнь.

Девушка внимательно посмотрела на него.

– Тогда расскажи что-нибудь, о чем ты обычно помалкиваешь.

– Например?

– Все равно, – сказала София. – О чем ты думал, когда стоял здесь один?

Люк неуверенно переступил с ноги на ногу и отвел взгляд. Он не сразу нашел ответ. Чтобы потянуть время, он сложил руки на жерди изгороди.

– Чтобы понять, тебе надо увидеть, – произнес он. – Но проблема в том, что это не здесь.

– А где? – озадаченно спросила София.

– Там, – ответил Люк, указывая в сторону загонов.

София помедлила. Какая знакомая ситуация: девушка встречает очень милого и приятного парня, но, как только они оказываются наедине... И все-таки, глядя на Люка, она не заметила никаких тревожных признаков. Отчего-то она ему доверяла, и не просто потому что он пришел к ней на помощь. Не было ощущения, что он флиртует; Софии даже показалось, что, если она попросит Люка уйти, он уйдет, и она больше никогда его не увидит. И потом, он ее развлекал. За то короткое время, что они провели вместе, девушка совсем позабыла о Брайане.

– Ну ладно, – сказала София. – Я согласна.

Если Люк и удивился, то не дал этого понять. Он просто кивнул и, положив обе руки на верхнюю жердь, ловко перескочил через ограду.

– Не выделяйся, – поддразнила она. Нагнувшись, девушка протиснулась между жердями, и в следующее мгновение они уже шагали к загонам.

Пока они шли через пастбище, направляясь к дальней части забора, Люк держался на почтительном расстоянии. София изучала волнистую линию изгороди, повторявшей очертания местности, и удивлялась тому, как здешние края не похожи на те, где она выросла. Девушке пришло в голову, что она научилась ценить тихую строгую красоту местных пейзажей. В Северной Каролине тысячи маленьких городков, каждый имеет свое лицо, и София начала понимать, отчего люди не желали уезжать отсюда. Растущие вперемежку дубы и сосны стояли вдалеке непроницаемой стеной мрака. Музыка за спиной постепенно стихла, сменившись треском луговых сверчков. Несмотря на темноту, девушка чувствовала, что Люк разглядывает ее, хотя он и старался делать это незаметно.

– За тем забором можно срезать путь, – заявил он. – Там недалеко до моего фургона.

София остановилась.

– Твоего фургона?

– Не волнуйся, – сказал Люк, вскидывая руки. – Мы никуда не поедem. Даже садиться в машину не будем. Просто из кузова лучше видно. Он выше и удобнее. У меня там есть пара складных стульев.

– У тебя в кузове машины лежат складные стулья? – недоверчиво прищурившись, переспросила София.

– В моей машине уйма всякого барахла.

Ну разумеется. Как обычно бывает. Марсия не отказалась бы провести целый день на свежем воздухе.

Они добрались до следующего забора, и сияние огней над ареной стало ярче. И вновь Люк без всяких усилий перескочил через изгородь, но жерди на сей раз были набиты слишком тесно, чтобы София могла между ними пролезть. Она вскарабкалась на ограду, опершись на верхнюю жердь, прежде чем перекинуть ноги на другую сторону. Спрыгивая, девушка ухватилась за руки Люка – мозолистые и теплые.

Они подошли к ближайшим воротам и повернули к стоянке. Люк направился к черному блестящему фургону с огромными колесами и фарами на крыше – единственному, который стоял носом в другую сторону. Молодой человек открыл заднюю дверь, вскочил в кузов и вновь протянул руки. Быстрый рывок – и вскоре София уже стояла рядом с ним.

Люк повернулся и начал рыться в груде вещей, спиной к девушке. София скрестила руки на груди, гадая, что подумает об этом Марсия. Она уже представляла вопросы подружки:

«Что, с тем красавчиком? Куда-куда вы с ним пошли? Ты что, спятила? А если бы он оказался сумасшедшим?» Люк тем временем продолжал возиться и греметь. София услышала металлический лязг, и тут же он обернулся, держа в руках стул вроде тех, что берут с собой на пляж. Люк разложил его, поставил на доски кузова и жестом предложил Софии сесть.

– Садись, не бойся. Сейчас все будет готово.

Она постояла неподвижно, вновь представив себе скептическое лицо Марсии, но затем решила. Почему бы и нет? Оказаться на раскладном стуле в кузове пикапа, принадлежавшего участнику родео, было вполне естественным развитием событий этой загадочной ночи. София подумала о том, что, не считая Брайана, в последний раз она оставалась наедине с парнем летом накануне отъезда в Уэйк, когда Том Руссо пригласил ее на выпускной бал. Они много лет знали друг друга, но ничего серьезного так и не получилось. Том был милый и неглупый – осенью он собирался в Принстон – но уже на третьем свидании распустил руки и...

Люк поставил рядом второй стул, прервав мысли Софии. Впрочем, вместо того чтобы сесть, он спрыгнул наземь, подошел к водительской дверце и потянулся в кабину. Заиграло радио. Кантри.

«Ну разумеется, – с улыбкой подумала София. – Что еще он мог включить?»

Вернувшись в кузов, Люк сел и вытянул ноги, закинув одну на другую.

– Удобно? – спросил он.

– Почти. – Девушка поерзала, слегка смущаясь того, как они близко друг к другу.

– Хочешь, махнемся стульями?

– Да нет. Просто... – Она сделала широкий жест. – Для меня как-то непривычно сидеть в кузове.

– В Нью-Джерси так не делают?

– Мы тоже развлекаемся. Например, ходим в кино. В кафе. Друг к другу в гости. Наверное, ты всего этого не делал раньше?

– Конечно, делал. И сейчас бывает.

– А фильм ты смотрел в последний раз?

– Что-что смотрел?

София не сразу поняла, что он шутит, и Люк рассмеялся, увидев выражение ее лица. Потом он указал в сторону загона.

– Вблизи они больше, правда? – спросил он.

Повернувшись, София увидела быка, медленно бредущего к ним. Всего в нескольких шагах от машины. Мускулы у него на груди играли. У девушки перехватило дух; смотреть с трибуны было совсем другое дело.

– Черт, – выговорила она, не скрывая изумления, и подалась вперед. – Он же... огромный. И ты на них ездешь?

– Когда они не против.

– Ты именно это и хотел мне показать?

– В общем-то да, – ответил он. – Посмотри вон туда.

Люк указал в соседний загон, где стоял бык со шкурой кремового цвета. Уши и хвост слегка дергались, но в остальном животное словно окаменело. Один рог был слегка искривлен, и даже издалека София разглядела сетку шрамов на шкуре. Хотя этот бык не казался таким уж огромным, выглядел он весьма грозно, и у Софии возникло ощущение, что он бросает вызов всему миру. Она слышала его хриплое дыхание, разносившееся в ночной тишине.

Обернувшись к Люку, она заметила, как изменилось лицо молодого человека. Он смотрел на быка, внешне спокойный, но с ним что-то явно произошло, хоть София и не могла толком понять, что именно.

– Это Страхолюдина, – сказал Люк, не сводя глаз с быка. – Вот о чем я думал, когда стоял у изгороди. Я пытался его разглядеть.

– Ты на нем сегодня скакал?

– Нет, – ответил он. – Но понял, что не могу уехать, не подойдя поближе. Странно, потому что когда я сюда приехал, то меньше всего хотел видеть его. Поэтому я поставил машину носом в другую сторону. Если бы он мне достался сегодня, я даже не знаю, что бы могло произойти.

София ждала продолжения, но Люк молчал.

– Я так понимаю, ты на нем уже ездил?

– Нет. – Люк покачал головой. – Хотя и пытался. Три раза. Это так называемый призовой бык. На нем удалось удержаться всего двоим, да и то несколько лет назад. Он крутится, брыкается, мечется во все стороны, а если он тебя сбросит, то попытается поддеть на рога за то, что ты вообще на него сел. Мне он снится в кошмарах. Жуткий зверь... – Он обернулся к девушке. Лицо его скрывала тень. – Вот. Об этом почти никто не знает.

Люк был испуган, чего София совершенно не ожидала.

– Я, честно говоря, даже представить себе не могу, что ты можешь чего-то бояться, – негромко сказала она.

– Да, но... я обычный человек. – Он ухмыльнулся. – Кстати говоря, молний я тоже побаиваюсь, чтоб ты знала.

София выпрямилась.

– А я люблю молнии.

– Совсем другое дело, когда ты посреди поля, без всякого укрытия.

– Поверю на слово.

– Теперь моя очередь задавать тебе вопросы.

– Давай.

– Ты долго встречалась с Брайаном?

София от облегчения чуть не рассмеялась.

– И все? – спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Мы начали встречаться, когда я училась на втором курсе.

– А он здоровяк, – заметил Люк.

– Он играет в лакросс.

– И наверное, неплохо.

– Да, – признала София. – Но на роль бойфренда совершенно не годится.

– И ты все-таки провела с ним два года?

– Да, но... – Девушка подтянула колени к груди и обхватила их руками. – Ты когда-нибудь влюблялся?

Люк запрокинул голову, словно ища ответ среди звезд.

– Не знаю.

– Если не знаешь, то, наверное, нет.

Люк задумался.

– Наверное.

– То есть ты со мной согласен?

– Я же сказал, что не знаю.

– Ты сильно расстроился, когда вы расстались?

Он поджал губы, обдумывая ответ.

– Не очень, но и Энджи не особо переживала. Обычный школьный роман. После выпуска мы оба поняли, что у нас разные дороги, но остались друзьями. Она даже пригласила меня на свадьбу. Я общался с одной из ее подружек и, в общем, отлично провел время.

София опустила глаза в землю.

– Я любила Брайана. То есть у меня и раньше были увлечения, конечно. Когда ты пишешь на тетрадке имя мальчика и рисуешь вокруг сердечки. Наверное, все люди возносят свою первую любовь на пьедестал, и я – не исключение. Даже не знаю, отчего Брайан стал со мной встречаться, – он такой красивый, спортивный, богатый... я не верила своему счастью, когда он обратил на меня внимание. Когда мы только начали ходить на свидания, Брайан был таким милым и обаятельным. Когда мы впервые поцеловались, я уже успела по уши влюбиться. Но обожглась я сильно, а потом... – София замолчала, не желая вдаваться в подробности. – В общем, я порвала с ним, как только начался семестр. Оказалось, что он все лето спал с другой девушкой, у себя в городе.

– А теперь он хочет тебя вернуть?

– Да, но зачем? Потому что я ему нужна или потому что его самолюбие ущемлено?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Я хочу знать твою точку зрения. Не потому что я собираюсь простить Брайана. Ни за что. Но я спрашиваю у тебя как у парня.

Люк подумал и ответил:

– Наверное, то и другое. Но насколько я могу судить, он понял, что совершил большую ошибку.

София молча приняла этот завуалированный комплимент.

– Я рада, что видела сегодня твое выступление, – сказала она искренне. – Ты действительно выступил очень хорошо.

– Мне повезло. Я давно не выступал и успел отвыкнуть.

– Как давно?

Люк отряхнул джинсы, словно тянул с ответом.

– Полтора года.

На мгновение Софии показалось, что она ослышалась.

– Ты не ездил полтора года?

– Да.

– Почему?

Люк, казалось, глубоко задумался.

– Мое последнее выступление плохо закончилось.

– Насколько плохо?

– Очень.

София разгадала головоломку.

– Тебя сбросил Страхолюдина.

– Точно, – подтвердил Люк и, опережая следующий вопрос, внимательно взглянул на девушку. – Значит, ты живешь в общежитии женской ассоциации?

Он сменил тему, и она не стала возражать.

– Да, уже третий год.

Его глаза лукаво сверкнули.

– Что, там и правда все так, как о том болтают? Пижамные вечеринки и драки подушками?

– Нет, конечно, – ответила София. – Скорее, вечеринки в неглиже... и драки подушками.

– Ух, не отказался бы я там пожить.

– Не сомневаюсь. – Она рассмеялась.

– Ну а на самом деле? – спросил Люк с искренним любопытством.

– Просто компания девушек, которые живут вместе. В общем, неплохо. Особый мир со своими правилами и иерархией – для тех, кому это интересно. Но я родом из Нью-Джерси и с детства помогала родителям в закусочной. Я попала в Уэйк только потому, что получила

стипендию. В ассоциации не так уж много студенток вроде меня. Я не хочу сказать, что все остальные богаты. Вовсе нет. Большинство тоже подрабатывали, когда учились в школе. Но...

– Просто ты другая, – закончил Люк. – Держу пари, немногие из твоих подруг согласились бы, чтоб их застали сидящими посреди пастбища на раскладных стульях.

«Ну, не знаю», – подумала София. Люк был победителем родео и определенно заслуживал звание «красавчика», как сказала бы Марсия. Некоторые студентки Уэйка охотно сделали бы шаг навстречу.

– Ты сказал, что у вас на ранчо лошади? – спросила она.

– Да.

– Ты на них часто ездешь?

– Почти каждый день, – ответил Люк. – Когда объезжаю стадо. Можно и на машине, но я с детства привык объезжать пастбища на лошади.

– А для удовольствия ты катаешься?

– Конечно. А что? Ты тоже любишь ездить верхом?

– Я никогда не пробовала, – сказала София. – В Нью-Джерси не так уж много лошадей. Но в детстве я очень хотела. Наверное, как все девочки... – Она помолчала. – А как зовут твою лошадь?

– Его зовут Конь.

София подумала, что это шутка, но Люк не шутил.

– Ты так и зовешь его – Конь?

– Он не возражает.

– Мог бы дать ему имя покрасивее. Принц или Гром.

– Он уже привык.

– Поверь, Конь не самая лучшая кличка. Это все равно что назвать собаку Собакой.

– У меня была собака, которую звали Собака. Австралийская пастушья овчарка, – отвечал Люк с совершенно равнодушным видом. – Отличный пес.

– И твоя мама не возражала?

– Мама сама ее так назвала.

София покачала головой.

– Мои подружки в жизни не поверят.

– Что? По-твоему, моих животных странно зовут?

– И это тоже, – поддразнила она.

– Расскажи мне про колледж, – попросил Люк, и следующие полчаса София в подробностях описывала свою повседневную жизнь. Даже ей самой она казалась скучной – лекции, учеба, развлечения по выходным, – но Люку явно было интересно, он время от времени задавал вопросы, хотя по большей части просто слушал. София описала членов женской ассоциации, особенно Мэри-Кейт, немного рассказала о Брайане, о том, как он себя вел, с тех пор как начался семестр. Пока они болтали, на стоянке началось некоторое оживление: одни люди здоровались на ходу, другие останавливались, чтобы поздравить Люка с победой.

Шло время, и становилось прохладно; София почувствовала, что накрылась мурашками. Она обхватила себя руками и съежилась на стуле.

– В кабине есть плед, если хочешь, – предложил Люк.

– Спасибо, не надо, – ответила девушка. – Я, пожалуй, пойду. Не хочу, чтобы подружки уехали без меня.

– Догадываюсь. Я тебя провожу.

Он помог ей выбраться из кузова, и они вернулись прежней дорогой. Музыка становилась все громче, чем ближе они подходили к сараю. Вскоре они уже стояли у дверей, и

народу внутри было немногим меньше, чем когда София ушла. Но девушке показалось, что она отсутствовала несколько часов.

– Хочешь, я зайду вместе с тобой? На тот случай, если Брайан еще здесь.

– Не стоит, – ответила София. – Я не буду отходить от подруг.

Люк уставился в землю, потом поднял глаза.

– Было очень приятно пообщаться, София.

– Мне тоже, – сказала она. – Спасибо еще раз за то, что выручил.

– Не за что.

Люк кивнул, развернулся и зашагал прочь. София смотрела ему вслед. Все могло на этом закончиться – и впоследствии София не раз гадала, что на нее нашло, – но вдруг она шагнула следом и окликнула:

– Люк, подожди.

Молодой человек обернулся, и она произнесла, слегка вздернув подбородок:

– Ты, кажется, предлагал показать мне твой знаменитый сарай, якобы еще более ветхий, чем этот.

Люк улыбнулся – на щеках мелькнули ямочки.

– Завтра в час? Утром я занят. Давай я за тобой заеду.

– Я на машине, – ответила София. – По дороге будешь писать мне, куда ехать.

– У меня нет твоего телефона.

– Дай свой номер.

Люк продиктовал. София набрала его и услышала гудки в нескольких шагах от себя. Прервав звонок, она посмотрела на Люка, сама не зная, какая муха ее укусила.

– Вот тебе мой номер.

Глава 5

Айра

Стемнело, и погода продолжает портиться. Ветер пронзительно свистит, окна залеплены толстым слоем снега. Снегопад постепенно погребает меня заживо. Моя машина, подержанный «крайслер», кремового цвета. Интересно, заметят ли ее, когда взойдет солнце, или она попросту сольется с местностью?

– Не думай о плохом, – говорит Рут. – Помощь непременно придет. Уже скоро.

Она сидит на прежнем месте, но теперь выглядит иначе. Чуть старше, в другом платье, тоже смутно знакомом. Я отчаянно пытаюсь припомнить, когда она так выглядела, и вновь слышу голос жены:

– Летом 1940 года. В июле.

И через несколько мгновений я вспоминаю: «Да. Верно. Летом, когда я перешел на второй курс».

– Ну конечно.

– Да, теперь ты вспомнил, – отвечает она, посмеиваясь. – Но не без моей помощи. А раньше ты ничего не забывал.

– Раньше я был моложе.

– И я тоже.

– Ты до сих пор молода.

– О нет, – говорит Рут, не скрывая легкой грусти. – Молодость давно ушла.

Я моргаю, тщетно стараясь сосредоточиться. Ей было семнадцать лет тогда...

– Ты была в этом платье, когда я впервые пригласил тебя на прогулку.

– Нет, – возражает Рут. – Я была в этом платье, когда сама пригласила тебя на прогулку.

Я улыбаюсь. Про наше первое свидание мы часто рассказываем на семейных праздниках. Со временем мы с Рут стали хорошими рассказчиками. И теперь, в машине, моя жена принимается повествовать точно так же, как обычно при гостях. Она складывает руки на коленях и вздыхает, на лице у нее – нечто среднее между разочарованием и смущением.

– Тогда я уже знала, что ты в жизни не подойдешь первым. Ты приехал на каникулы и провел дома уже месяц, но так и не сказал мне ни слова, поэтому в субботу, когда в синагоге кончилась служба, я сама подошла к тебе. Посмотрела прямо в глаза и сказала: «Я больше не встречаюсь с Дэвидом Эпштейном».

– Да, помню, – говорю я.

– А помнишь, что ты ответил? Ты сказал: «А», покраснел и опустил глаза.

– По-моему, ты ошибаешься.

– Сам знаешь, что нет. А потом я разрешила проводить меня до дому.

– Помню, твой отец не очень-то обрадовался.

– Он думал, что Дэвид приятный молодой человек. А тебя он не знал.

– И не любил, – вмешиваюсь я. – Пока мы шли по улице, я чувствовал, как он смотрит мне в затылок. Поэтому я держал руки в карманах.

Рут склоняет голову набок и оценивающе смотрит на меня.

– Поэтому ты не сказал ни слова за всю дорогу?

– Я не хотел, чтоб он сомневался в моих честных намерениях.

– Когда я пришла домой, папа спросил: «Он что, немой?» Пришлось ему напомнить, что ты прекрасно учишься, у тебя отличные отметки и всего через три года ты получишь диплом. Каждый раз, когда я разговаривала с твоей мамой, она мне об этом напоминала.

Из мамы получилась бы отличная сваха.

– Все потому, что родители шли за нами по пятам, – заметил я. – Если бы они не изображали конвой, я бы живо вскружил тебе голову. Взял бы за руку и спел серенаду. Нарвал букет цветов. Ты была бы в восторге.

– Да, конечно. Молодой Фрэнк Синатра. Я помню.

– Я просто исправляю неточности. Кстати, в колледже одна девушка, ее звали Сара, была ко мне неравнодушна.

Рут кивает с безмятежным видом.

– Твоя мама и про нее рассказывала. Она сказала, что ты не звонил и не писал Саре с тех пор, как приехал домой на каникулы. Я так и знала, что это несерьезно.

– И как часто ты общалась с моей матерью?

– Поначалу не очень часто и не с глазу на глаз. Но за несколько месяцев до твоего возвращения я попросила ее поучить меня английскому, и мы начали видеться пару раз в неделю. У меня был маленький словарный запас, и она объясняла значение каждого слова. Конечно, я всегда говорила, что стала учительницей по примеру отца, так оно и есть, но еще и глядя на твою маму. Она обладала безграничным терпением и рассказывала разные истории, и учить язык становилось проще. Твоя мама сказала, что я и сама должна научиться этому, потому что на Юге все любят рассказывать и слушать.

Я улыбаюсь.

– И что же она рассказывала?

– Про тебя.

Конечно, я и сам знаю. Между мужем и женой за долгие годы супружеской жизни остается мало секретов.

– А какая была твоя любимая история?

Рут ненадолго задумывается и наконец говорит:

– Одна из твоего детства. Твоя мама рассказала, как ты нашел раненую белку, которую спрятал в коробке за швейной машинкой и вылечил, хотя отец и запретил держать ее в магазине. Ты выпустил ее в парке, когда она поправилась; белка, конечно, убежала, но ты каждый день возвращался, чтобы оказаться рядом, на тот случай если ей снова понадобится помощь. Твоя мать сказала, что у тебя доброе сердце и ты способен испытывать искреннюю привязанность. Если уж ты кого-нибудь полюбишь, то это навсегда.

Да уж, мама поработала свахой.

Лишь когда мы поженились, она призналась, что «учила» Рут, рассказывая ей обо мне. Признаться, я слегка обиделся, поскольку предпочитал думать, что своими силами покорил сердце девушки. Так я и сказал маме. Она рассмеялась и ответила, что поступила, как всякая мать, а моей обязанностью было доказать, что она не лгала, потому что таков долг сына перед матерью.

– И тогда я решил, что очень обаятелен.

– Ты стал обаятельным, как только перестал меня бояться. Но случилось это не сразу. Когда мы наконец дошли до фабрики, где я жила, я сказала: «Спасибо, что проводил, Айра», а ты только промямлил: «Не за что», развернулся, кивнул моим родителям и ушел.

– Но на следующей неделе дела обстояли лучше.

– Да. Ты говорил о погоде. Три раза повторил: «Сегодня облачно». Два раза – «Интересно, пойдет ли дождь?». Ты просто блистал остроумием. Кстати говоря, твоя мама научила меня английскому слову «блистать».

– И все-таки ты не передумала со мной встречаться.

– Да, – говорит Рут, глядя в упор.

– А в начале августа я предложил угостить тебя шоколадной шипучкой. Как обычно делал Дэвид Эпштейн.

Она приглаживает выбившуюся прядь волос, не сводя с меня пристального взгляда.

– Помнится, я сказала, что никогда не пробовала ничего вкуснее шоколадной шипучки.

Так и началось. Трудно назвать нашу любовь увлекательным приключением или волшебной сказкой, как ее обычно изображают в кино, но случившееся казалось божественным даром. Просто не верилось, что Рут увидела во мне нечто особенное, но у меня хватило ума не упустить возможность быть с ней. Мы проводили вместе большую часть свободного времени, хотя его оставалось не так уж много. Лето быстро заканчивалось. Франция, по ту сторону Атлантики, уже капитулировала, битва за Англию шла полным ходом, но в эти последние недели лета война казалась такой далекой. Мы бродили в парке и без конца разговаривали. Как раньше делал Дэвид, я угощал Рут шоколадной шипучкой, дважды водил в кино, один раз пригласил вместе с матерью на ланч. И неизменно провожал домой из синагоги. Родители Рут шли в десяти шагах позади, позволяя нам пообщаться.

– В конце концов они меня полюбили.

– Да. – Она кивает. – Потому что я тебя полюбила. Ты был такой забавный. Я впервые начала смеяться с тех пор, как покинула родину. Мой отец потом всегда спрашивал, что ты такого смешного сказал, и я объясняла, что дело не в том, что именно ты сказал, а в том, как ты это сказал. Например, с каким лицом описывал, как готовит твоя мама.

– Она не умела даже яйцо сварить.

– Ну, вряд ли настолько плохо.

– Я научился есть не дыша. Почему, как ты думаешь, мы с отцом были худые как щепки?

Рут качает головой.

– Если бы только твоя мать знала, что ты говоришь такие ужасные вещи.

– Она бы не обиделась. Мама знала, что хорошей кухаркой ее не назовешь.

Рут некоторое время молчит.

– Жаль, что у нас было так мало времени тем летом. Я очень грустила, когда ты уехал в колледж.

– Даже если бы я остался, мы бы все равно не смогли общаться. Ты ведь тоже уехала. В Уэлсли.

Она кивает, но как-то неуверенно.

– Я просто не могла упустить такую возможность. У папы был там знакомый профессор, и он очень мне помог. Но все-таки год выдался трудный. Хотя ты и не переписывался с Сарой, я знала, что вы снова видитесь, и волновалась, что твои прежние чувства оживут. Я боялась, что Сара увидит в тебе то же, что и я, и заставит забыть обо мне.

– Исключено.

– Теперь-то я знаю.

Я слегка наклоняю голову, и перед глазами вспыхивает белая молния, а в лоб словно вонзается железный шип. Закрываю глаза, ожидая, когда боль утихнет, но она не проходит целую вечность. Я сосредотачиваюсь, пытаюсь дышать медленно, и наконец она отступает. Ясность зрения постепенно возвращается, и я вновь думаю об аварии. Лицо липкое, спущенная воздушная подушка покрыта пылью и кровью. Кровь меня пугает, но, несмотря на это, в машине творится какая-то магия – магия, которая вернула мне Рут. Я сглатываю, чтобы увлажнить пересохшее горло, но слюны нет, а горло словно натерли наждаком.

Я знаю, что Рут встревожена. По силуэту тени понятно, как она за мной наблюдает. Женщина, которую я всегда обожал. Я вспоминаю 1940 год, надеясь отвлечь Рут от ее страхов.

– Хоть ты и беспокоилась из-за Сары, – говорю я, – но не приехала на зимние каникулы, чтобы повидаться со мной.

Рут, разумеется, закатывает глаза – обычный ответ на мои жалобы.

– Я не приехала, потому что у меня не было денег на билет, – произносит жена. – И ты это знаешь. Я работала в отеле и никак не могла уехать. Стипендия покрывала только расходы на учебу, а за все остальное я платила сама.

– Да, да, оправдывайся, – шутливо подначиваю я.

Она, как обычно, пропускает мои шутки мимо ушей.

– Иногда я всю ночь дежурила, а утром надо было идти на лекции, и я старалась не заснуть над открытой книгой. Думаешь, мне легко жилось? К концу учебного года я мечтала вернуться домой, хотя бы для того, чтобы выспаться.

– Но я разрушил твои планы, потому что встретил тебя на станции.

– Да. – Она улыбается. – Разрушил планы.

– Мы не виделись девять месяцев, – замечаю я. – Я хотел сделать сюрприз.

– И сделал. В поезде я гадала, будешь ли ты меня встречать, и боялась разочароваться. А когда поезд остановился и я увидела тебя в окно, сердце у меня так и подпрыгнуло. Ты был такой красивый.

– Мама сшила мне новый костюм.

Рут задумчиво усмехается, погруженная в воспоминания.

– И ты привез с собой моих родителей.

Я пожал бы плечами, но боюсь двигаться.

– Я знал, что они тоже хотят тебя встретить, а потому попросил у отца машину.

– Очень любезно.

– Или, наоборот, эгоистично. Иначе бы ты поехала прямо домой.

– Да, наверное, – лукаво замечает она. – Но конечно, ты и об этом позаботился. Ты заранее спросил у моего папы, можно ли пригласить меня на ужин. Ты приехал прямо на фабрику, чтобы заручиться его согласием.

– Я не хотел давать тебе повода для отказа.

– Я бы не отказала, даже если бы ты сначала не спросил у папы.

– Теперь я это знаю, а тогда не знал, – отвечаю я, повторяя ее слова. Мы с ней во многом похожи – и так было всегда. – Когда ты вышла из вагона, помнится, я подумал: «И почему на перроне не толпятся фотографы?» Ты походила на кинозвезду.

– Я провела в дороге двенадцать часов и выглядела ужасно.

Мы оба знаем, что это неправда. Рут была красавица, и даже когда ей перевалило за пятьдесят, мужчины по-прежнему провожали ее взглядами, если она входила в комнату.

– Я едва удержался, чтобы не поцеловать тебя прямо там.

– Неправда, – говорит Рут. – Ты бы никогда не рискнул сделать это в присутствии моих родителей.

Конечно, она права. Я отступил, позволяя родителям поприветствовать и обнять дочь, и лишь потом, спустя несколько минут, подошел сам. Рут читает мои мысли.

– В тот вечер папа впервые понял, что я в тебе нашла. Потом он мне сказал, что ты не только трудолюбивый и добрый, но еще и настоящий джентльмен.

– И все-таки он сомневался.

– Всякий отец считает, что его дочери никто не достоин.

– Кроме Дэвида Эпштейна.

– Да, – дразнит Рут. – Кроме Дэвида.

Я улыбаюсь, хоть от этого голову вновь пронзает электрический разряд.

– За ужином я не отрываясь смотрел на тебя. Ты стала еще красивее, чем раньше.

– Но мы опять чувствовали себя чужими, – подхватывает она. – Понадобилось некоторое время, чтобы разговор потек непринужденно, как летом. И так до вечера.

– Я очень старался.

– Ты просто был собой, – говорит Рут. – И в то же время нет. За тот год, что мы провели порознь, ты из мальчика сделался мужчиной. Ты даже взял меня за руку, проводив до двери, хотя раньше никогда этого не делал. Я хорошо помню как по телу пробежали мурашки. А потом ты остановился и посмотрел мне в глаза, и я поняла, что сейчас будет.

– Я просто поцеловал тебя на сон грядущий.

– Нет, – соблазнительно журчит Рут. – Мы поцеловались, да, но не просто так. Даже тогда я почувствовала нечто большее. Ты словно обещал, что всегда будешь меня так целовать.

Сидя в машине, я вспоминаю ту минуту – прикосновение губ Рут, радостное волнение и изумление при мысли о том, что я держу ее в объятиях. Но внезапно мир начинает вращаться. Сильно, как на взбесившейся карусели. Рут исчезает. Моя голова стучается о руль, и я лихорадочно моргаю, надеясь, что головокружение прекратится. Страшно хочется пить. Одного глоточка хватило бы, чтобы прийти в норму. Но воды нет, и я покоряюсь неизбежному, и все вокруг темнеет.

Я прихожу в себя и медленно возвращаюсь к реальности. Прищуриваюсь в темноте, но Рут на пассажирском сиденье не вижу. Мне отчаянно хочется ее вернуть. Я сосредотачиваюсь, пытаюсь вызвать образ жены, но тщетно. В горле встает комок.

Рут была права – я изменился. Тем летом изменился весь мир, и я понял, что время, проведенное с Рут, бесценно. Война бушевала повсюду. Япония и Китай сражались уже четыре года, и весной 1941 года большинство стран попали под власть вермахта, в том числе Югославия и Греция. Англичане отступали под напором Африканского корпуса Роммеля до самого Египта. Суэцкий канал был под угрозой, и, хотя я того не знал, немецкие танки и пехота уже готовились к вторжению в Россию. Я гадал, долго ли продлится изоляция Америки.

Я никогда не думал о том, чтобы стать солдатом, и в жизни не стрелял из ружья. В душе я не был бойцом, но в любом случае любил свою страну и большую часть года провел, воображая будущее, исковерканное войной. И не я один пытался осмыслить новый мир. Летом мой отец прочитывал по две-три газеты в день и непрерывно слушал новости; мать записалась в Красный Крест. Родители Рут были особенно испуганы, и я частенько заставлял их, когда они шептались, сидя голова к голове за столом. Они давным-давно не получали известий от родни. Одни говорили – это из-за войны. Но даже до Северной Каролины добрались слухи о том, что случилось с евреями в Польше.

Несмотря на слухи и страхи – а может быть, благодаря им, – я вспоминаю лето 1941 года как последнее лето юности. Тогда мы с Рут проводили вместе почти каждую минуту и все сильнее влюблялись друг в друга. Она заходила ко мне в магазин, или я к ней на фабрику – летом она подрабатывала секретаршей у дяди, – а по вечерам мы гуляли под звездами. По воскресеньям мы устраивали пикник в парке возле дома – ничего особенного, немного закусок, – а потом шли ужинать. Иногда я приходил в гости и слушал классическую музыку на патефоне. Когда лето подошло к концу и Рут села на поезд в Массачусетс, я спрятался в дальний угол вокзала и закрыл лицо руками, потому что понял: ничто уже не повторится. Я знал, что вскоре меня призовут в армию.

Седьмого декабря 1941 года мне пришла повестка.

Всю ночь я то впадаю в беспамятство, то прихожу в себя. Ветер и снег не стихают. Когда сознание возвращается, я гадаю, встанет ли наконец солнце. Увижу ли я рассвет еще

раз? Но в основном продолжаю думать о прошлом, надеясь вновь увидеть Рут. Без нее я уже все равно что мертвый.

Окончив колледж в мае 1942 года, я вернулся домой и не узнал отцовский магазин. Там, где раньше висели на вешалках костюмы, теперь стояли тридцать швейных машин, и тридцать женщин шили форму для солдат. Свертки тяжелой ткани прибывали дважды в день, заполняя целиком заднюю комнату. Отец занял и помещение по соседству, которое годами пустовало, и туда поместились еще шестьдесят швейных машинок. Мама следила за работой, а отец отвечал на звонки, вел бухгалтерию и обеспечивал поставку формы на военные и морские базы, которые как грибы росли на Юге.

Я знал, что меня скоро призовут в армию. Порядковый номер у меня был достаточно низкий, чтобы сделать призыв неизбежным, а это значило – пехота или флот. Смелчаков влекло на войну, но, как я уже говорил, я не отличался храбростью. Возвращаясь домой из колледжа, я решил завербоваться в военно-воздушные силы. Отчего-то битва в воздухе представлялась менее пугающей, чем на земле. Со временем, впрочем, я понял, что ошибся.

Вечером, по прибытии домой, я сообщил об этом родителям, прямо на кухне. Мама немедленно распереживалась. Отец ничего не сказал, но позже, когда он сидел над грессбухом, мне показалось, что я заметил влажный блеск в его глазах.

Я принял и еще одно решение. Прежде чем Рут вернулась в Гринсборо, я встретился с ее отцом и объяснил, как много она значит для меня. Через два дня мы снова поехали на станцию, как в прошлом году. Опять-таки, я позволил родителям приветствовать дочь первыми, а потом пригласил Рут на ужин. Там, за столиком в полупустом ресторане, я поделился с ней своими планами. В отличие от моих родителей Рут не проронила ни слезинки. Во всяком случае, в тот момент.

Я отвез девушку домой не сразу. После ужина мы отправились в парк, на то место, где часто устраивали пикники. Ночь была безлунная, фонари в парке не горели. Держа Рут под руку, я едва различал ее очертания.

Я коснулся кольца в кармане – кольца, которое, как я сказал отцу Рут, намеревался подарить ей. Я долго над этим раздумывал – не потому что сомневался в собственных намерениях, а потому что не был уверен в чувствах Рут. Но я любил Рут, и собирался на войну, и хотел знать наверняка, что она меня дождет. Опустившись на колени, я объявил, как много она для меня значит. Сказал, что не могу жить без нее, и предложил стать моей женой. Договорив, я протянул Рут кольцо. Она ответила не сразу. Будет неправдой сказать, что я совсем не испугался в ту минуту. Но затем, словно прочитав мои мысли, Рут взяла кольцо, надела и подала мне руку. Я поднялся и встал рядом с ней под звездным небом. Рут обняла меня и шепнула: «Да». Мы стояли, прильнув друг к другу, целую вечность. Даже теперь, почти семьдесят лет спустя, я чувствую тепло девичьего тела, несмотря на холод в машине, и чувствую нежный цветочный аромат ее духов. Я перевожу дух, пытаюсь удержать в памяти эту картину, точь-в-точь как держал в объятиях Рут в тот вечер.

Потом мы побрели по парку, держась за руки и обсуждая наше совместное будущее. В голосе Рут звучали любовь и радостное волнение, но до сих пор при воспоминании о тех днях я мучаюсь угрызениями совести. Я думаю о том, чего так и не добился; о мечтах, которые не исполнились. Почувствовав знакомый прилив стыда, я вновь ощущаю запах духов. Он усиливается, и я понимаю, что это не воспоминание – духами пахнет в машине. Страшно открыть глаза, но я с трудом поднимаю веки. Поначалу все темно и размыто, и я сомневаюсь, что вообще разгляжу хоть что-нибудь.

Но я ее вижу. Она прозрачна, как призрак, но это несомненно Рут. Она здесь, она вернулась, и мое сердце радостно трепещет. Я хочу прикоснуться к ней, обнять, но знаю, что ничего не получится, поэтому я просто сосредотачиваюсь, пытаюсь рассмотреть жену

получше. Когда глаза привыкают, я замечаю, что на Рут кремовое платье с оборками спереди. Платье, которое было на ней в тот день, когда я сделал ей предложение.

Но Рут чем-то недовольна.

– Нет, Айра, – внезапно говорит она, и в ее голосе я безошибочно распознаю предостережение. – Мы об этом говорить не будем. Об ужине и предложении – да. Но только не о...

До сих пор не верится, что она вернулась.

– Я знаю, что ты грустишь... – начинаю я.

– Не грущу, – перебивает она. – Это ты грустишь. Грустишь с того самого вечера. Мне не нужно было говорить, что...

– Но ты сказала.

Жена склоняет голову. Ее каштановые волосы в отличие от моих густые и блестящие.

– Тогда я впервые призналась тебе в любви, – произносит она. – Я сказала, что хочу выйти за тебя замуж. Я пообещала, что буду ждать и что мы поженимся, как только ты вернешься.

– Но ты сказала и еще кое-что...

– Остальное не важно! – восклицает Рут, вскидывая голову. – Мы ведь были счастливы, так? Все эти годы, что прожили вместе?

– Да.

– Ты любил меня?

– Всегда!

– Тогда, пожалуйста, послушай, Айра, – говорит Рут с едва скрываемым нетерпением и подается вперед. – Я никогда не жалела, что мы поженились. Ты подарил мне счастье и радость, и если бы я должна была сделать выбор еще раз, я бы повторила не колеблясь. Посмотри на нашу жизнь, наши поездки, совместные приключения. Как говаривал твой отец, мы вместе совершили долгую прогулку, которая называется жизнь. Моя жизнь была наполнена светом благодаря тебе. В отличие от других мы даже не ссорились.

– Ссорились, – возражаю я.

– Не всерьез, – настаивает Рут. – Наши ссоры ничего не значили. Да, я сердилась, если ты забывал вынести мусор, но это же не настоящая ссора, а пустяки. Такие мелочи исчезают из памяти, словно тень.

– Ты забываешь...

– Нет, я помню, – перебивает Рут, зная, что я собираюсь сказать. – Но мы справились. Вместе. Как всегда.

Как бы она меня ни утешала, я по-прежнему чувствую глубокую боль, которую много лет носил в себе.

– Прости, – наконец говорю я. – Я хочу, чтоб ты знала: мне всегда было страшно жаль.

– Не надо так, – просит она, и голос у нее обрывается.

– Ничего не могу поделать. Мы проговорили в тот вечер несколько часов...

– Да, – признает Рут. – Мы вспоминали время, которое провели вместе. Говорили про учебу, про то, что однажды тебе достанется отцовский магазин. Потом, уже лежа в постели, я долго-долго рассматривала кольцо. На следующее утро я показала его матери, и она обрадовалась. Отец тоже был доволен.

Рут пытается меня отвлечь, но тщетно. Я продолжаю пристально смотреть на жену.

– В тот вечер мы говорили и о тебе. О твоих мечтах.

Заслышав это, она отворачивается и повторяет:

– Да. О моих мечтах.

– Ты сказала, что хочешь стать учительницей и что мы купим дом по соседству с родителями.

– Да.

– И что мы будем много путешествовать. Побываем в Нью-Йорке и Бостоне. Может быть, даже в Вене.

– Да, – повторяет она.

Я закрываю глаза, ощутив бремя прошлых сожалений.

– Ты сказала, что больше всего на свете хочешь детей. Что ты мечтаешь стать матерью. Ты хотела двух мальчиков и двух девочек, большую шумную семью, как у одной из твоих двоюродных сестер. Ты любила у нее гостить, потому что тебе там было хорошо. Вот о чем ты мечтала...

Рут, ссутулившись, поворачивается ко мне.

– Да, – шепотом отвечает она. – Признаю, я этого хотела.

Сердце горестно сжимается, и я чувствую, как душа рушится. Правда зачастую бывает ужасна, и я вновь жалею, что Рут не вышла за кого-нибудь другого. Но сейчас уже поздно, слишком поздно что-то менять. Я стар, одинок и с каждым часом приближаюсь к смерти. Я устал – устал как никогда в жизни.

– Зря ты вышла за меня, – шепчу я.

Рут качает головой и ласково, как прежде, придвигается ближе. Она осторожно проводит пальцем по моему лицу, целует в макушку.

– Я никогда бы не вышла за другого, – говорит она. – И давай больше не будем об этом говорить. Тебе нужно отдохнуть. Поспи.

– Нет, – отвечаю я и пытаюсь покачать головой, но не могу – боль нестерпимая. – Я не стану спать. Я хочу быть с тобой.

– Не беспокойся, я приду, когда ты проснешься.

– Ты уже раз ушла.

– Я никуда не уходила. Я была здесь. И буду впредь.

– Откуда ты знаешь?

Рут вновь меня целует, прежде чем ответить, ласково и нежно:

– Потому что я всегда с тобой, Айра.

Глава 6

Люк

Утром, выбираясь из постели, Люк почувствовал сильную боль в спине, поэтому почистить Коню шею и холку было проблематично. Ибупрофен слегка унял приступ, но все-таки Люк с усилием поднимал руку выше плеча. Когда он на рассвете обходил сарай, то морщился от боли, даже поворачивая голову с боку на бок, и радовался, что Хосе помогает ему управляться на ранчо.

Повесив щетку на гвоздь, Люк насыпал в ведро овса и зашагал к дому, зная, что полностью оправится через пару дней. Боль была нормой после любого выступления, и Люк уж точно переживал и худшее. Вопрос заключался не в том, пострадает ли наездник, а в том, когда и насколько серьезно. Не считая злополучной скачки на Страхолюдине, Люк дважды ломал ребра и дважды рвал коленные связки, один раз повредил легкое. В 2005 году ему раздробило левое запястье, и он вдобавок вывихнул оба плеча. Четыре года назад он участвовал в мировом чемпионате со сломанной лодыжкой, в специальном сапоге, чтобы вновь не повредить еще не сросшиеся кости. И разумеется, Люк пережил изрядное количество сотрясений мозга. Тем не менее большую часть жизни он ни о чем не мечтал так, как о новых выступлениях.

Возможно, он и впрямь был сумасшедшим, как считала София.

Посмотрев в кухонное окно над раковиной, Люк увидел, как мимо дома спешно прошла его мать. Он задумался о том, когда же отношения с ней вернутся в привычные рамки. В последнее время она уже успевала позавтракать, прежде чем он появлялся в большом доме, и явно избегала разговора. В присутствии сына Линда давала понять, что все еще расстроена; она хотела, чтобы сын ощутил бремя ее молчания, когда она брала тарелку и оставляла Люка одного за столом. А главное, она хотела, чтоб он почувствовал себя виноватым. Люк мог бы завтракать у себя – он выстроил маленькое бунгало по ту сторону рощи, – но по опыту знал, что отказывать матери в возможности вдоволь побыть обиженной – значит усугубить ситуацию. Рано или поздно она должна была успокоиться.

Люк ступил на потрескавшиеся бетонные плиты, быстро окидывая взглядом все вокруг. Крыша в порядке – он менял ее несколько лет назад, – но дом нужно заново красить. К сожалению, сначала придется ошкурить каждую доску, и времени понадобится втрое больше. Времени, которого вечно не хватает. Дом выстроили в начале XIX века, и его столько раз перекрашивали, что слой краски скорее всего стал уже толще самих досок. И теперь краска на фасаде облупилась и сгнила под свесами крыши. Кстати говоря, и их тоже следовало починить.

Люк вошел в небольшую прихожую и вытер сапоги о коврик. Дверь открылась с привычным скрипом, и Люк почувствовал знакомый запах свежеподжаренного бекона и картошки. Мать помешивала яичницу на сковороде. Плиту он купил в прошлом году на Рождество, но кухонные шкафы были ровесниками дома, и стол стоял здесь, сколько Люк себя помнил. И линолеум давным-давно никто не менял. Дубовый стол, сделанный дедушкой, потускнел от старости; в дальнем углу источала тепло старинная дровяная печь. Люк вспомнил, что нужно наколоть дров. Приближались холода, и рано или поздно пришлось бы пополнить запас топлива. Печь обогревала не только кухню, но и весь дом. Люк решил, что займется дровами после завтрака, до приезда Софии.

Повесив шляпу на вешалку, он заметил, что у матери усталый вид. Неудивительно – когда он оседлал и вывел лошадь, мать уже трудилась что есть сил, вычищая навоз из стойл.

– Доброе утро, ма, – сказал он, принимаясь мыть руки. Люк старался говорить спокойно. – Нужна помощь?

– Уже почти все готово, – ответила она, не глядя на сына. – Можешь сунуть хлеб в тостер. Он на столе позади тебя.

Люк положил в тостер несколько кусков хлеба и налил себе кофе. Мать стояла к нему спиной, но Люк чувствовал: общая атмосфера ничуть не изменилась за последние несколько недель. «Тебя должна мучить совесть, ты плохой сын, я твоя мать. Подумай о моих чувствах».

«Я о них думаю. И именно поэтому делаю то, что делаю». Но он ничего не сказал. Прожив на ранчо вместе почти четверть века, они в совершенстве научились понимать друг друга без слов.

Люк отхлебнул кофе, прислушиваясь, как мать скребет лопаточкой по сковороде.

– На ранчо все нормально. Я проверил швы у той телочки, что напоролась на колючую проволоку. Рана заживает.

– Хорошо. – Отложив лопатку, мать открыла ящик и достала тарелки. – Каждый накладывает себе сам, ладно?

Люк поставил кружку на стол и достал из холодильника масло и джем. Мать уже сидела за столом. Люк взял тост, протянул ей другой, принес кофейник.

– Нужно на этой неделе собрать тыквы, – напомнила она, потянувшись за кофе. Ни взгляда, ни утренних объятий... впрочем, он на них и не надеялся. – А еще сделать лабиринт, сено привезут во вторник. И вырезать фонари.

Половину тыкв уже продали Первой баптистской церкви в Кинге, но по выходным на ранчо пускали розничных покупателей. Одним из главных развлечений не только для детей, но и для взрослых служил лабиринт, построенный из сена. Это придумал отец, когда Люк был еще маленьким, и с течением времени лабиринт становился все запутанней. Блуждать по нему стало чем-то вроде местной праздничной традиции.

– Заметано, – сказал Люк. – План в ящике стола?

– Видимо, да, если ты его туда положил в прошлом году.

Люк намазал тост маслом и джемом. Оба молчали.

Наконец мать вздохнула.

– Ты вчера вернулся поздно, – сказала она и потянулась за маслом и джемом, когда сын закончил делать бутерброд.

– Ты еще не спала? Я не видел свет.

– Я проснулась, когда ты подъехал.

Люк сомневался, что это правда. Окна в спальне большого дома не выходили на подъездную дорожку, а значит, мать сидела в гостиной. Следовательно, она ждала и беспокоилась.

– Я завис с друзьями, они меня уговорили отпраздновать.

Мать не отводила взгляда от тарелки.

– Я догадалась.

– Ты получила мое сообщение?

– Да, – ответила она и ничего больше не добавила. Никаких расспросов о соревнованиях, о самочувствии, о боли, которую, как знала мать, он испытывал. Атмосфера упрека распространилась, заполнив всю комнату. Сердечная мука и гнев капали с потолка, сочились сквозь стены. Люк признал: мать прекрасно умела внушать муки совести.

– Хочешь поговорить? – наконец спросил он.

И она впервые взглянула на сына.

– Не особо.

Ладно, подумал он. Но, несмотря на то что мать сердилась, ему все-таки доставало привычных разговоров.

– Тогда можно задать вопрос?

Мать уже была готова оставить сына в одиночестве за столом, а сама завтракать на крыльце.

– Какой у тебя размер обуви? – спросил Люк.

Мать застыла, воздев вилку.

– Размер обуви?...

– Ко мне, возможно, сегодня кое-кто приедет, – сказал он и подцепил на вилку кусок яичницы. – Придется одолжить ей сапоги, если мы поедем кататься.

Впервые за несколько недель мать не сумела скрыть живой интерес.

– Ты пригласил в гости девушку?

Люк кивнул, продолжая есть.

– Ее зовут София. Мы познакомились вчера. Она сказала, что хочет посмотреть наш сарай.

Мать моргнула.

– Зачем ей понадобился наш сарай?

– Не знаю, она сама попросила.

– Кто она такая?

Люк уловил проблеск любопытства на лице матери.

– Учится на последнем курсе в Уэйке. Родом из Нью-Джерси. И если мы поедем кататься, ей понадобятся сапоги. Вот я и спросил, какой у тебя размер.

Судя по замешательству, мать впервые за много лет задумалась о чем-то ином, кроме ранчо и скачек на быках. Или перечня дел, которые она хотела закончить до вечера. Но после короткого оживления Линда вновь уставилась в тарелку. Она была по-своему упряма не меньше Люка.

– Семь с половиной. В кладовке лежат мои старые сапоги, пусть возьмет их, если подойдут.

– Спасибо, – сказал Люк. – Я наколю дров, пока она не приехала, если только для меня нет других заданий.

– Вода, – напомнила мать. – На второе пастбище нужно провести воду.

– Я это уже сделал с утра. Потом выключу.

Мать возила по тарелке кусок яичницы.

– На следующих выходных мне понадобится твоя помощь.

Судя по тону, она с самого начала собиралась об этом заговорить, потому-то и осталась сидеть за столом.

– Ты же знаешь, в субботу меня здесь не будет, – медленно произнес Люк. – Я еду в Ноксвилл.

– Снова на родео.

– Последнее выступление в сезоне.

– Тогда зачем ехать? Все равно оно никакой роли не сыграет. – В ее голосе зазвучала горечь.

– Дело не в баллах. Я не хочу начинать следующий сезон неподготовленным.

И вновь разговор оборвался – слышалось только царапанье вилок по тарелкам.

– Я вчера победил, – наконец произнес Люк.

– Хорошо.

– Деньги положу на счет в понедельник.

– Оставь себе, – огрызнулась мать. – Мне они не нужны.

– А ранчо?

Она взглянула на сына, и Люк увидел в глазах Линды меньше гнева, чем ожидал. Он увидел покорность, даже грусть, оттененную усталостью, от которой мать казалась старше.

– Бог с ним, с ранчо, – ответила она. – Я боюсь за сына.

После завтрака Люк полтора часа рубил дрова, чтобы пополнить поленницу рядом с домом. После завтрака мать его избегала; хотя Люка это и нервировало, незамысловатая работа и мысли о Софии отвлекали его.

Девушка ему нравилась – Люк не помнил, когда с ним такое случалось в последний раз. Никогда со времен романа с Энджи как минимум, но даже с Энджи было по-другому. Она ему нравилась, конечно, но Люк не думал о ней постоянно, как о Софии. Еще вчера вечером он даже не предполагал, что снова кем-то увлечется. После смерти отца силы уходили только на то, чтобы сосредоточиться и вернуться на арену. Когда скорбь наконец немного отпустила, когда удавалось прожить день-другой, не вспомнив об отце, Люк приложил максимум усилий, чтобы стать лучшим. Во время выступлений он думал только об этом и с каждой победой повышал планку, становясь все целеустремленней в своем желании победить.

Такого рода страсть не оставляла места для романов, не считая коротких и несерьезных. Но минувшие полтора года многое изменили. Никаких разъездов и тренировок. Хотя на ранчо всегда было чем заняться, Люк привык к прежнему образу жизни. Хорошие фермеры умеют расставлять приоритеты, и они с мамой тоже это делали неплохо. У Люка оказалось много времени, чтобы поразмыслить и задуматься о будущем, и впервые в жизни он порой заканчивал дневную работу, жалея, что рядом нет человека, с которым можно поговорить за ужином. Не считая мамы.

Хоть стабильные отношения и не были для него делом первоочередной важности, Люк все-таки не отрицал, что ему хочется кого-нибудь найти. Главная проблема заключалась в том, что он понятия не имел, как это сделать... а потом вновь принялся ездить и выступать, и мысли о девушках вылетели из головы.

И тут внезапно, когда он меньше всего этого ожидал, появилась София. Хотя Люк целое утро провел, думая о новой знакомой и представляя, какие у нее мягкие волосы, он подозревал, что долго их дружба не продлится. У них нет ничего общего. София учится в колледже – изучает историю искусств, Господи помилуй, – а после выпуска уедет в какой-нибудь далекий город работать в музее. Строго говоря, у него вообще нет шансов... но Люк то и дело вспоминал, как София сидела в кузове машины, под звездами, и думал, что, может быть – может быть! – шанс есть и они каким-то образом сумеют поладить.

Он напомнил себе, что они едва знакомы и что он, вероятно, придает случившемуся чересчур большое значение. Тем не менее Люк признал, что волнуется в предвкушении визита Софии.

После рубки дров он прибрался в доме, съездил на пастбище выключить воду, потом быстро сгонял в магазин, чтобы пополнить запасы в холодильнике. Люк сомневался, что София зайдет в дом, но все-таки хотел быть к этому готовым.

Принимая душ, впрочем, он понял, что не может не думать о ней. Подставив лицо под струи воды, Люк гадал, что же такое на него нашло.

В начале второго, сидя в кресле-качалке на крыльце, Люк услышал шум машины, медленно едущей по длинной подъездной дорожке. Пыль поднималась выше деревьев. Рядом, прижавшись к ковбойским сапогам, которые Люк нашел в кладовке, сидела собака. Пес сел и наострил уши, а потом взглянул на хозяина.

– Пошли, – сказал Люк, и Пес немедленно сбежал по ступенькам вниз.

Люк взял сапоги и шагнул в траву с крыльца. Он помахал шляпой, выйдя на подъездную дорожку и надеясь, что София заметит его сквозь кусты, растущие по бокам. Дорожка

вела к главному дому; чтобы подъехать к бунгало Люка, нужно было миновать прогалину меж деревьев и свернуть на поросшую травой дорогу. Дорога была еле различима, и не помешало бы заново засыпать ее гравием – еще один пункт в списке дел, до которых у Люка вечно не доходили руки. Раньше он даже не думал, что это так важно, но теперь, когда приехала София и у него заколотилось сердце, Люк пожалел, что не привел дорогу в порядок.

Слава Богу, Пес сам знал, что делать. Он помчался вперед и встал на дорожке, как часовой, заставив Софию затормозить, после чего властно залаял и зарысил обратно к Люку. Тот снова помахал шляпой и наконец привлек внимание девушки. Она свернула и через несколько секунд остановилась под развесистой магнолией.

София вышла из машины, свежая, как летнее утро, в узких вылинявших джинсах с прорезами на коленях. Она, со своими миндалевидными глазами и славянскими чертами лица, казалась еще привлекательней при солнечном свете, чем накануне вечером, и Люк мог лишь молча смотреть на девушку. У него возникло странное ощущение, что в будущем, как бы ни изменились их отношения, он будет вечно помнить этот образ. София была слишком красивой, утонченной и необычной для незатейливого сельского пейзажа, но, когда девушка дружески улыбнулась, Люк почувствовал облегчение, словно солнце пробилось сквозь тучи.

– Извини, я опоздала, – сказала София, захлопывая дверцу. Казалось, в отличие от молодого человека она совершенно не волновалась.

– Ничего страшного, – ответил Люк, надев шляпу и сунув руки в карманы.

– Я свернула не туда, и пришлось возвращаться. Зато прокатилась вокруг Кинга.

Он переступил с ноги на ногу.

– И как?

– Ты был прав, ничего особенного, но люди очень милые. Один старичок на скамейке указал мне дорогу. Как поживаешь?

– Хорошо. – Люк наконец взглянул на нее.

Если девушка и поняла, как он нервничает, то не подала виду.

– Ты закончил свои дела?

– Я уже проверил стадо, наколот дров и съездил кое за чем в магазин.

– Звучит интригующе, – заметила София. Заслонив рукой глаза, она медленно повернулась вокруг своей оси. Пес подбежал знакомиться и немедленно обвился вокруг ног.

– Я так понимаю, это Пес?

– Именно.

София присела и почесала Пса за ушами. Тот благодарно застучал хвостом.

– У тебя ужасная кличка, Пес, – шепотом сказала девушка, охотно лаская собаку, и хвост завилял энергичней. – Здесь очень красиво. Это все ваше?

– Мамино.

– У вас большое ранчо?

– Около восьмисот акров, – ответил Люк.

София нахмурилась.

– Я все равно не понимаю. Не забывай, что я выросла в большом городе.

Ему понравилось, как это прозвучало.

– Тогда вот так. Ранчо начинается у дороги, где ты свернула, тянется в ту сторону полторы мили и заканчивается у реки. Участок имеет форму веера, он сужается у шоссе и расширяется к реке. Там его ширина достигает примерно двух миль.

– Да, так понятней.

– Правда?

– Ну, не совсем. Сколько городских кварталов тут поместится?

Вопрос застал Люка врасплох, и девушка рассмеялась.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Я шучу, – сказала София, выпрямляясь. – Но все равно впечатляюще. Я никогда еще не бывала на ранчо.

Она указала на бунгало.

– Ты там живешь?

Люк повернулся и проследил ее взгляд.

– Да. Я его построил пару лет назад.

– То есть...

– Ну, по большей части построил сам, кроме проводки и сантехники. Для таких работ нужны особые навыки. Но планировка и стены – это моя работа.

– Не сомневаюсь, – сказала София. – Держу пари, если у меня сломается машина, ты и ее сумеешь починить.

Люк прищурился.

– Наверное.

– Ты такой... старомодный. Настоящий мужчина. Многие парни вообще не знают, как делать что-то своими руками.

Люк не понял, дразнится она или действительно впечатлена, но ему внезапно понравилось, что София постоянно проверяет его на прочность. Отчего-то она казалась старше, чем большинство девушек ее возраста, которых он знал.

– Хорошо, что ты приехала, – сказал он.

София как будто задумалась над истинным смыслом этих слов, прежде чем ответить:

– Я тоже рада. Спасибо, что пригласил.

Люк закашлялся.

– Я тут подумал, что, наверное, надо показать тебе ранчо.

– Мы поедем верхом?

– Возле реки есть милое местечко, – сказал он, не отвечая на вопрос напрямую.

– Оно романтическое?

Люк сам не знал, как ответить.

– Мне нравится, – неуверенно произнес он.

– Вот и хорошо, – со смехом сказала София и указала на сапоги, которые он держал в руке. – Ты принес их для меня?

– Это мамины. Не знаю, подойдут ли они тебе, но в стременах в них держаться проще. Я насовал туда носков. Скорее всего они велики, зато чистые.

– Не сомневаюсь. Если ты чинишь машины и строишь дома, то наверняка мыть и сушить обувь тоже умеешь. Можно примерить?

Он протянул девушке сапоги и постарался не глядеть на ее обтянутые джинсами бедра, пока София шла к крыльцу. Пес побежал следом, виляя хвостом и высунув язык, как будто нашел нового лучшего друга. Когда София села, Пес снова принялся тыкаться мордой ей в ладонь, и Люк счел это хорошим знаком – обычно Пес не был так дружелюбен. Стоя в тени, он смотрел, как София сбросила туфли. Изящными движениями девушка стянула носки, сунула ноги в сапоги, встала и сделала несколько пробных шагов.

– Я раньше никогда не носила ковбойские сапоги, – заявила она, разглядывая собственные ноги. – Ну и как они смотрятся?

– Как обычные сапоги.

София громко рассмеялась и принялась мерить шагами крыльцо, не сводя глаз с обуви.

– Да, наверное, – сказала она и вновь повернулась к Люку. – Я теперь похожа на ковбоя?

– Только шляпы не хватает.

– Дай я примерю твою, – попросила она, протянув руку.

Люк подошел, чувствуя себя слабее, чем вчера, во время выступления. Он протянул шляпу девушке, и она надела ее, лихо заломив на затылке.

– Ну как?

«Отлично», – подумал Люк. Таких, как София, он еще не встречал. Люк улыбнулся, ощутив внезапную сухость в горле, и подумал: «Кажется, я серьезно влип».

– Теперь ты похожа на настоящего ковбоя.

Она с явным удовольствием улыбнулась.

– Думаю, пока я оставлю шляпу себе. Если ты не против.

– У меня их полно, – ответил Люк, едва слыша себя. Он вновь переступил с ноги на ногу, пытаясь сосредоточиться. – Как прошел вечер? Никаких неприятностей не было?

София сошла с крыльца.

– Абсолютно никаких, Марсия стояла там, где я ее оставила.

– Брайан тебе не докучал?

– Нет, – ответила она. – Наверное, побоялся, что ты где-то рядом. И потом, мы скоро уехали. Побыли там всего полчаса. Я устала.

Она подошла ближе.

– Мне нравятся сапоги и шляпа. Они такие удобные. Я хочу поблагодарить твою маму. Она здесь?

– Нет, в большом доме. Я ей могу передать.

– Что, ты не хочешь, чтобы мы виделись?

– Да нет... просто она с утра сердится.

– Почему?

– Долгая история.

София склонила голову набок.

– Вчера вечером ты сказал то же самое, когда я спросила, зачем ты занимаешься скачками на быках, – заметила она. – По-моему, когда ты говоришь «долгая история», это значит, просто не хочешь об этом говорить. Я права?

– Да, я просто не хочу об этом говорить.

Девушка ликуяще рассмеялась.

– Ну, и что дальше?

– Пойдем к сараю, – предложил Люк. – Ты сказала, что хочешь на него посмотреть.

София подняла бровь.

– Знаешь, я ведь на самом деле приехала не для того, чтобы смотреть на сарай.

Глава 7

София

«Так, – подумала она, как только эти слова сорвались с ее губ. – Кажется, я тороплю события».

София решила, что виновата Марсия. Если бы только подруга весь вечер и все утро не приставала с вопросами насчет случившегося на вечеринке и насчет поездки на ранчо, если бы не отвергла первые два наряда, которые выбрала София, непрерывно твердя: «Поверить не могу, что ты будешь кататься с красавчиком ковбоем!» – тогда бы девушка так не волновалась. Красавчик. Сладенький. Милашка. Марсия упорно называла Люка этими словами. «Так, значит, красавчик подскочил и спас тебя, да?» Или: «Ну и о чем вы с этим сладким мальчиком говорили?» Или просто: «Он такой душка!» Неудивительно, что София ошиблась поворотом при съезде с шоссе; заезжая на подъездную дорожку, она чувствовала, как по ребрам стекал пот. Девушка вовсе не тревожилась, но изрядно нервничала; всякий раз, когда накатывало беспокойство, она принималась болтать без удержу, а потом ловила себя на том, что берет пример с Марсии и Мэри-Кей. Но иногда прорывалась ее прежняя сущность, и тогда София выпаливала то, что лучше было бы оставить несказанным. Например, как сегодня. И вчера, когда она сказала, что хотела бы покататься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.